

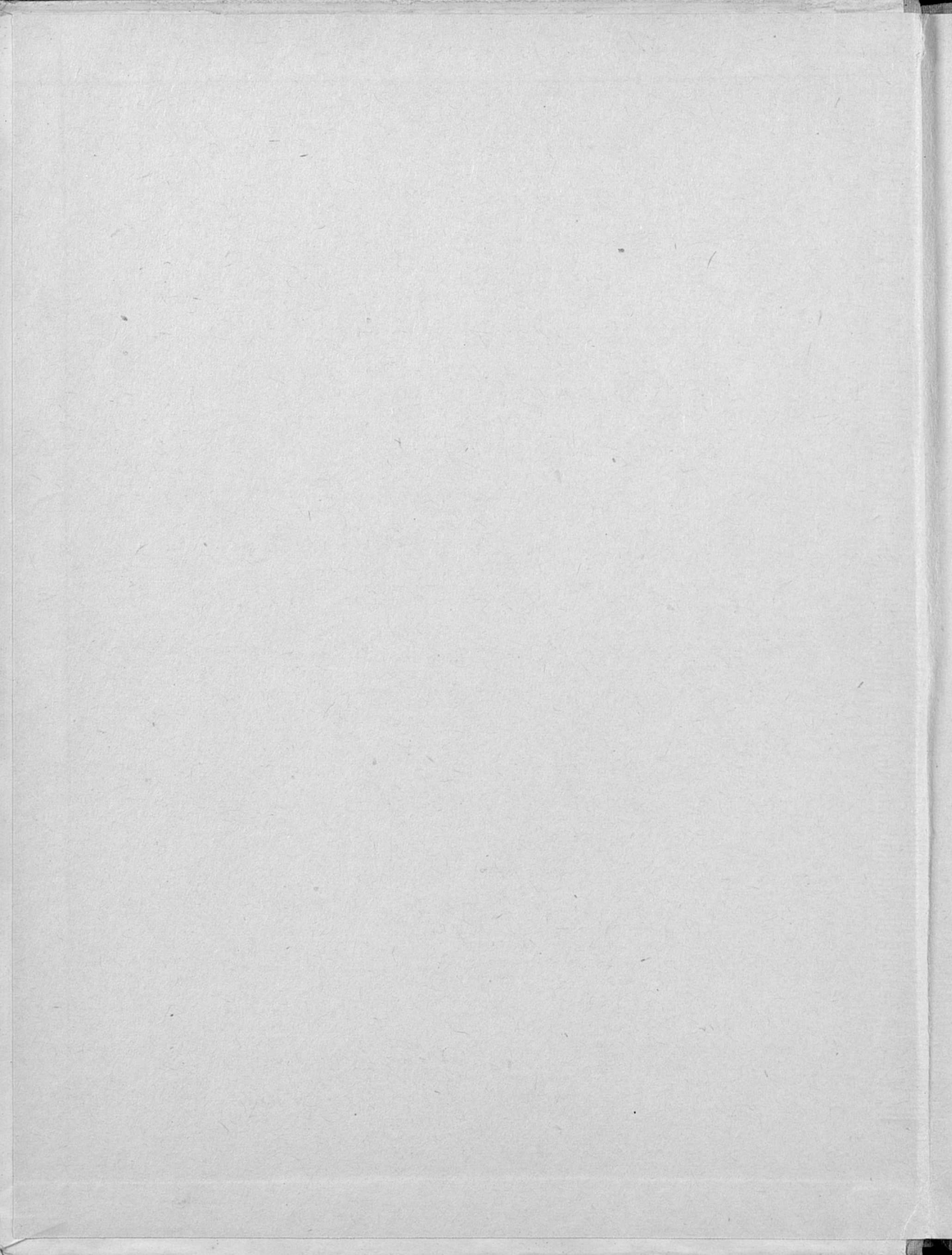
←
Ольга

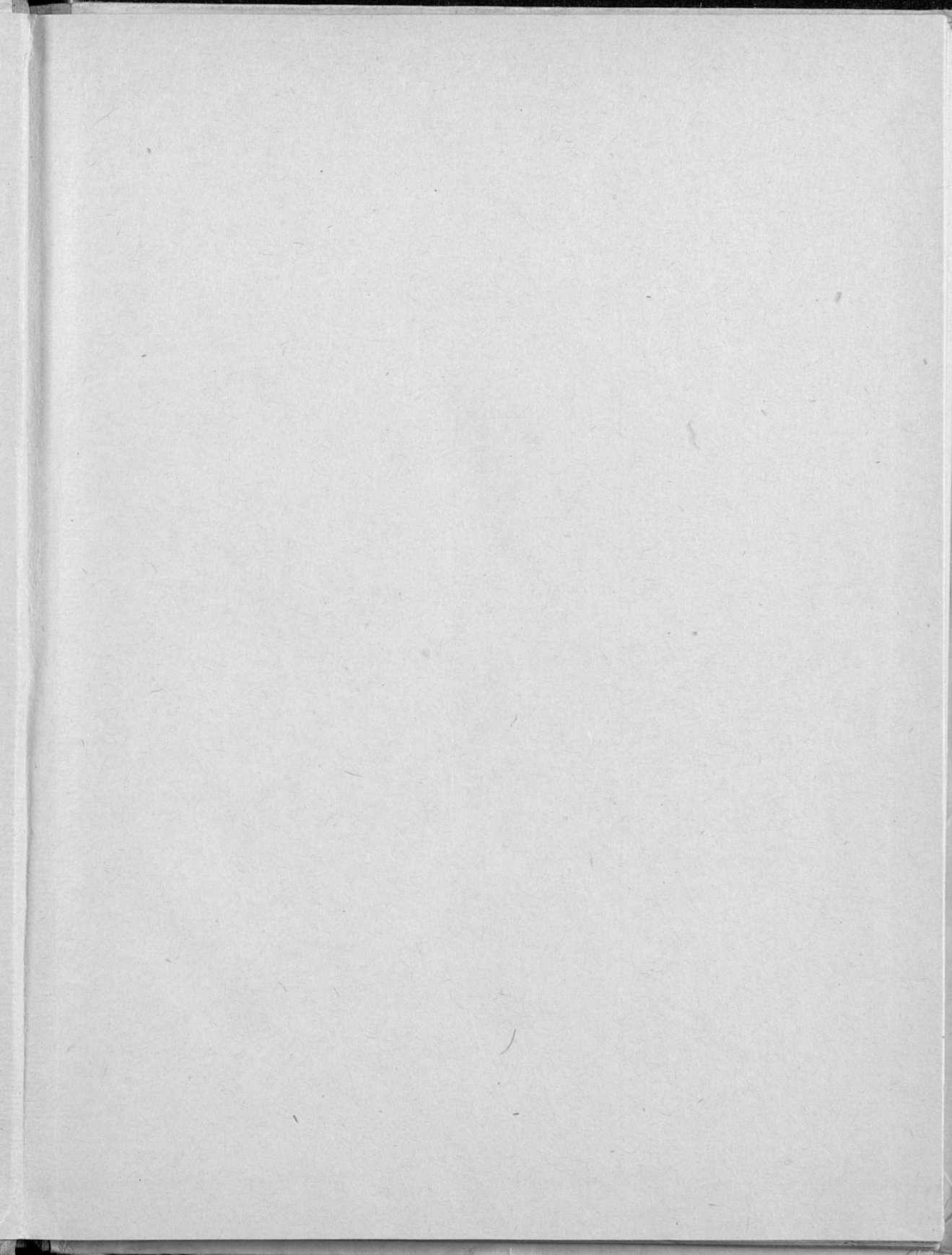

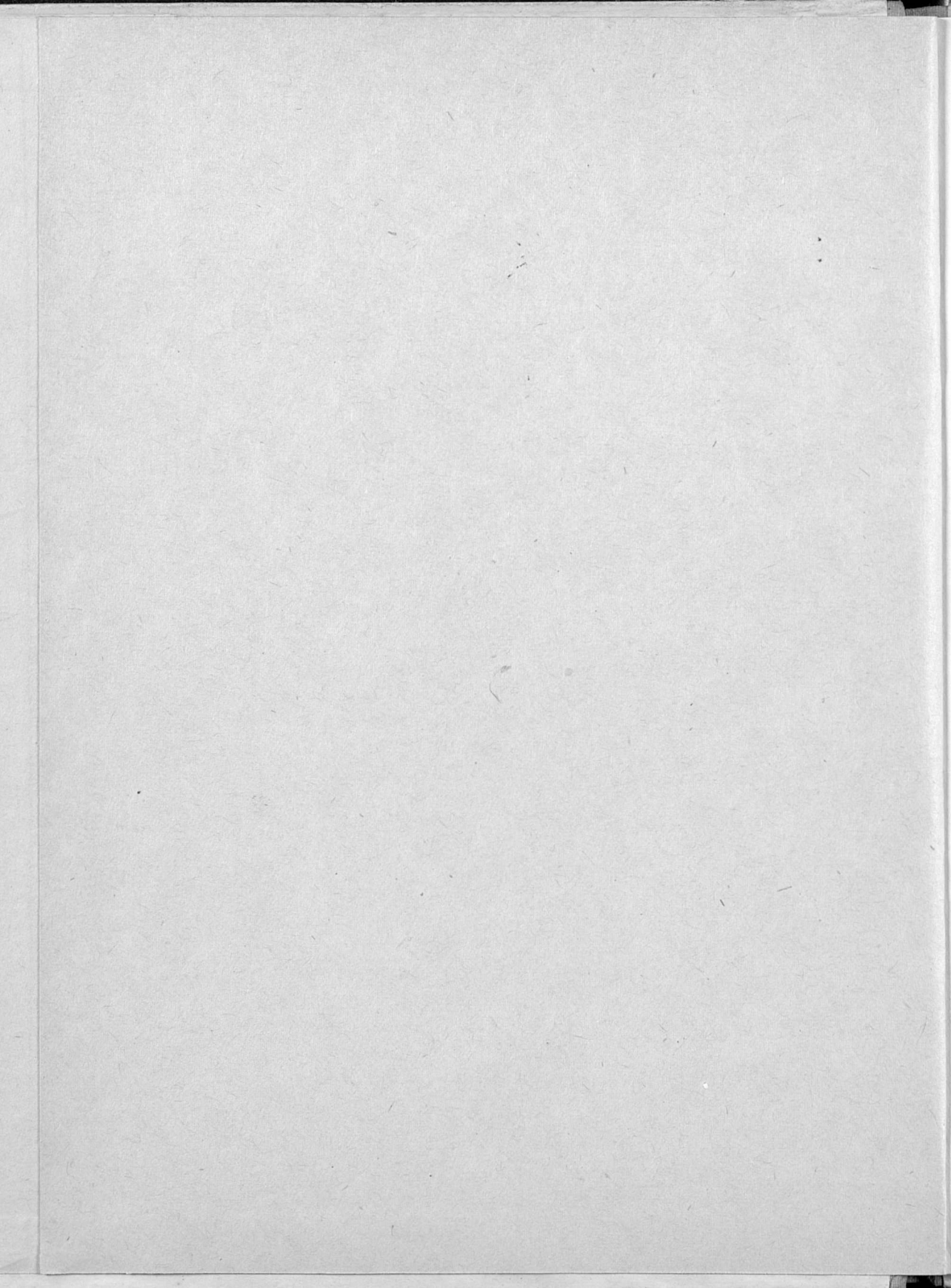
В. Г У Б А Р Е В
**ПАВЛИК
МОРОЗОВ**

УЧПЕДГИЗ

1953

Мансийск.
3-49.

В. ГУБАРЕВ

ПАВЛИК МОРОЗОВ

Н. М. САДОМИН
РУСЬ ЛАТЫНГНЫЛ МАНЬСИ ЛАТНГЫГ ТОЛМАСЬЛАС

РЕДАКТОР
А. Н. БАЛАНДИН

В. М. ФИРСОВА
ПОСЛЫС

Государственное Учебно-педагогическое издательство
Министерства просвещения РСФСР
Москва 1953 Ленинград

В. ГУБАРЕВ

ПАВЛИК МОРОЗОВ

НА МАНСИЙСКИЙ ЯЗЫК
ПЕРЕВЁЛ
Н. М. САДОМИН

РЕДАКТОР
А. Н. БАЛАНДИН

РИСУНКИ
В. М. ФИРСОВОЙ

Государственное Учебно-педагогическое издательство
Министерства просвещения РСФСР
Москва 1953 Ленинград

Тавё ёрувлангкве ат рови.
М. Горький.

Глава 1.

ТОРГАМТАТТАЛ НОВХАТНЭ ВАРМАЛЬ.

Яков пунгканэ ватихал торгыгласыт — аман эти асирманыл, аман пилнэтэ магыс. Акван сякыртахтим, тав Павел юипалт вор хосит ёмыс, хурахлам номсыс, сав пал нупыл сунсыглахтыс: хайтнут ке нэгли, маныр емти? Соль, лавегыт, хайтнутыт туй ат новхатэгыт, илттыг матырсирмат мори ялнэ ут нэглапи ке...

Павел молямлас, няр лаглыл някисьтим ос турмант хул паюп хосгасьлим, яныг усилыл ёмыс. Яков ворил тав юипалэт ёмунгкве алималыс и ломгыс:

— Маныр ман молямланут, маныр ман молямланут!
Яков талква, осынг, ласял олыс. А Пашка тот-та манху-
рип лувынг-самынг и хоса лаглупынг — павыл няврамыт халт
тав сяр молях хайтыгти. Тав ётэ сар хайтунгкве войха-
тыглэн!

— Ласьялаквнуве минэн, ёл-пойтталут! — Яков лавыс.

Павел ёл-люлюмтас, суйтал мувалас:

— Маныр, регынг?

— Такем-та регынг, пунгканум лясегегыт... А нанг акваг
ул хайтэн.

— Ман асирман польвесын? Пумась! А нанг сака воинг...

Павел мувинти.

— Вой — ти нангын сахи хунь, нангын хунь регылти. Ам
маньсупум тур витныл инг ат тосыс, сунсэн-сар.

Тэн акв похыт люльсыг. Тэн мувлитэнт турман вор олыс.
Вор люлинг, паль, ат нёвсыгли. Йивыт нуми-палт луи ма совыт
асирманг наил морсынг мат тэсыт. Такем-та ворт суйтал,
сусхати: ронгхувлэнын ке — ти ронгх суй сотыр верыста па-
литн сэмыл тарыг ос ховт тальхыт хосит поргунгкве пати.

Павел юртехумитэ катэт хасумтастэ:

— Хулилын?

Мось элннув талыт лятгысыт. Акваг ляпатнув, ляпатнув.
Пыгрисиг лилтнэ маныл пойтсыг. Ляпатнув нирсяхыл хосув-
лахтыс, нэмат сака яныг уйкве лёнхъясн квалапас.

Яков элаль квалапас, осься турыл ронгхувлас:

— Пашка, хайтнут! Па-ашка!

Вангклаталим и пусгим, юртехуминг молях нирсяхлыт ос
ангквалыт ултта поргысыг, а хайтнут сяр ляпат олыс, Яковн
сусхати, тав лаглагет лилтнэ реге ти суйти. Но Павел илттыг
ёл-люлюмтас ос мувинти:

— Пойтэн, Яшка! Ти Кусака! Пойтэн-сар, оссам!

Яков тарвитынгысь лилти, пунынг уй нуыл пилим сунси,
тав ласьялакве лэгетыл хосганти. Ань усьти Яков Кусака хань-
систэ — Василий Потупчик амп. А Василий Потупчик такви
тот-та юв, китсунтуп писалинг тагыл, карыс, вангнынг-кон-
сынг хум.

— Эй нэн, пилтал хумыг!—овра турыл тав лави.—Манарныл рохтысын?

— Аким ойка Вася, ти Яшка ронгхувлас: „Хайтнут!“ — Павел таквинатэ ёмасн паттим лавыс.

— Нанг нангки сартын хайталтахтасын,—эсырма тара Яков ломги.

— Нэмат сартын ати.

— Ати, сартын!

— Я-та, товли!—Потупчик кантынгысь лави.

Но пыгрисиг вагтэн, тав сяр кантынг ати. Тав тур суге тамле—такысь потырти, аквтоп вит амартан вонгхат курги бу-бу...

— Нэн хот олсын?

— Хул алисьлангкве ялсумен, Вася аким ойка.

— Я-та, ёмас хумыг! Ам хосат яласасум, аквтох матыр-сир ут аласум.

Тав таквинатэ янитэтыл товлынг уитыл тагталамтэ, тар-витынгысь, ваим ёми. Тав ётэ пилисьманг ати, ань кос вортолнут вос нох-нэгли.

Лёнгх хумит йивыт сагрим ман, Герасимовка павыли миннэ осья лёнгхын нэглисыт. Ань павыл мус ляпа—тот-та хара ма ломтыт пернаг сэмлыг нангкантэг. Ти пернаг хосат тагыл тит люлег; акватэ мось яныгнув, мотанэ мось маньнув. Хот сайсыгнув, вотныл, раквныл ери патсыг, но акваг люлег.

Ти пернаг урыл матум ойкат пилисьманг вармалъ потыртэгыт.

Ватахкем тал юи-палт, Герасимовка сяр мань павлыг олме порат, ти мат коробейникыт яласасыт. Тан тыг, луи Нёрн, Екатеринбургныл¹ ёхталасыт, сакквалгытыл, винал ос тинтал писалил тиналахтасыт, вораян хумитныл пушнина тинталысь ёвтыглаласыт.

Хотмус-тай акв сёс маньлат герасимовский хум Арсений Кулуканов ти коробейникыг ворт урсаге—вата хумыг акваг. Тав саквнялыл патамтас и вата хум пунгк пулиг-сакватастэ.

¹ Тох пес порат Свердловск ус лаввес.

А осынҗ вата хум эква сунныл хот-порыҗмас ос вор уй хольт ронҗхим, нирсхлыт палт вуськасахтыс. Элмхолас алнэ хум таве хара ма ломтыт юил ёхтыстэ и китит пиним патроныл аластэ.

Арсений сартын сёлынг хумыҗ олыс, а та пасныл та кони-пал сёлынгыҗ емтыс: яныҗ, хорамынҗ хансанҗ наличникинҗ кол унттыс, так хозяйство варыс. Овлэт Тавда область приставн кисмаявес, но элмхолас алам хум молях тулмантим сорнианэ-тыл хот-ойтхатас. Пристав протоколт хансыс: „Экваҗ ойкаҗ хонтвесыҗ, таваҗт хонҗхан алвесыҗ“.

А Кулуканов йивыҗ тармыл кит перна тусьтыс,—улпыл, номсыс, куль пыгыҗ ул вос ловинтавес.

Василий Потупчик ос пыҗрисыҗ ти перна похыл минама-ныл порат, Яков восҗим лави:

— Вася аким ойка, ведь ти пернаҗ хот-сайсыҗ... Кулуканов, улпыл, ильпи пернаҗ молях тусьти.

Вораян хум ювле лягалас:

— Ам тавен таквинатэн перна тусьтынувум!

Василий Потупчик Кулуканов нупыл сака лаве ювес и нэмхоттёютныл лаве ат туйтыстэ. Тав матахкем тал Кулуканов палт рупитас, рупататэ магыс тэнут ломтыл майлувес. А хунь та хумитэ ойтхатунҗкве лавыстэ, кусяе тох ловинтас: тавен Потупчикн минҗкве хунь эри, а Потупчик тавен тэнут ломтыт магыс вос мыҗ. Потупчик кони-пал Герасимовкат и мот тамле хумит олсыт: савынҗ пал павыл махум Кулуканов палт рупитасыт, и савынҗ пал махум арумта осьсыт. Арсений Кулуканов осьмарынҗ, нялынҗ олыс!

Потупчик хохса хурыҗ сепныл вис, турмант апынҗгысь хохса перыс, серанка йив сиртумтас.

— Ам ке, няврамыт,—тав, такысь посим тартим, потыртанҗкве овылтахтыс,—ман Арсениюв винувлум, ам катагумт ке олыс, ссыльный кулакыт палт лаҗерын туясанувлум. Тот тав махманэ олэҗыт!

— Вася аким ойка, тан манрыҗ тыҗ-кетвесыт?

— Ул вос торас варсыт. Торҗамтыслын? Украинат ос Кубаньт крестьяниныл колхозн акван сьлтсыт, а кулакыт то-

рас варсыт. Тан тыг луи ман и кетвесыт. А тан пормасаныл, тэпкананыл колхозн майвесыт. Тамле вармаль, няврамыт, ёмас! — Потупчик, яныг катагетыл хосгим, суингысь и молях потыр-тас. — Кулак таи магыс и кулакыг лававе, тав мот махум катыл хозяйство вари. Торгамтаслын-а? Воелын кос ман Кулукановув. Ам ват нупыл нила тал пасныл налиман нупыл акв тал мус тав палтэ рупитасум. Ам минамум пасныл талыг ул емти. Ам амккем тамле хунь олсум? Мот хотпа келп тав няртыс, сёлынгыг емтыс. Нанг утан хунь, мирн маен! Няврамыт ти сир-а?

— Торгамтасмен, соль тох... Васякве аким ойка, тав палтэ наме кулак нам хурипа — Кулуканов. Васякве аким ойка, а ман Герасимовкавт хунь колхоз емти? — Яков китыглахтыс.

— Нанг нангки руман китыглэлн. — Потупчик ёмас хум хольт мувалас, тарвитынг катпаттатэ Павел вангынн пиныстэ. — Хулилын, мань председателкве, хунь асин колхоз вари?

Павел ювле ат лавыс. Павел таи магыс мань „председателквег“ лававе, тав асе, Трофим Морозов, герасимовский советт председателиг олыс.

— Колхоз — ти яныг ёр капай, — Потупчик номсим лавыс. — Манхурип олупса, няврамыт, варунгкве рови! Манхурипа олупса!.. Ванэ вармаль, акв хотпан ёр ат товылхати, а аквёт коллективыл акваг варунгкве рови. Тарапаттунгкве ат вермилум, Трофим манрыг хосан хартитэ, манрыг колхоз ат унтти.

Тав ёл-люлис, лёнгхын наил султувъям хохса охса овыл вуськакас, ёмсякве сопакыл ёл-тангырматыстэ.

— Сав вармаль Трофим тох ат вари, хумус эри, — Потупчик лиласим лавыс. — Ти сирыл хунь...

— А маныр сир ут тох ат оли? — Яков китыглахтыс и Павел нупыл пори сунсыс.

— Тав номси, сельсовет председателын кусяйн пуссын варунгкве акваг рови. Нанг маныр ам палтум хот-китыглахтэгынг? Нанг председатель китыглэн...

— Вася аким ойка, ул новелн таве! — Павел илттыг суингысь и кантынгысь лягалас, тур суге торгыс.

Яков юртхумитэ тайтэт осьхультахтим хасумтастэ:

— Пашка, я-та, маныр?

— Ул новхатэн!

Павел ёнгхыгпас и нирсяхлыт ултта вольгын павыл наит нупыл минунгкве патыс. Потупчик ёл-люлюмтас, катаге кит-тыг утыгпалсаге.

— Хата сар, пыгрись, манрыг кантмаявесын? — тав вино-ватыг оlnэтэ хольт овра турыл лавыс.

Павел ювле ёнгхыгпаттал ёмыс. Яков восгасас:

— Тав ат эрупти, хунь тох лававе.

— Ам ведь нас мувинтасум, осьхулинг пыгрись! — во-раян хум пунгкетыл хосгыс. — Ос тит ман матырсир люль латынг оли?

Глава II.

АСЕ КОНФЕТЫТ.

Этипалаг Морозов колтагыл (семья) тэс. Тэнгкве муй нэт, муй хумыт, Морозов Трофим рутыт, — Серёга матум ойка ос Ксения матум эква, — ёхтысыт, а тан ётаныл — онтоловхойплов тал янит Трофим апыг Данила олыс.

Кол кивырт регынг и лилтунгкве тарвитынг олыс. Кони ави палыг-пусвес. Посн манюуит — нярт оlnэ хомлыт ёхтыгпа-сыт. Манюит кеҕ лампа мувлахи сэмылхарп сяхыл хольт яласасыт.

Трофим Морозов ос тит унлыс: тав регтыглима, осэ выг-рыг емтум, тусанэ нянь саквыл перыглимат. Тав похет Серёга матум ойка унлыс, аим винаныл тав кутсювес, таи магыс тав самаге аюм хотпа самыг хурипаг олсыг.

Серёга матум ойка матумыг емтыс, сатловкем тал. Пунгке сялыг оln хольт вольги, вильтэ морминг. Матум кос олыс, но инг так, экватэныл ёр.

Экватэ нёл матум утыт хольт товтлахтын суп ераге нуми-палт сяр ёлаль ханас, пунгке вангнаген минас, вангнаге похыт мокари. А матум ойка айнэтэ порат товнакт иквунгкве верми, лаглаге совиинг кос.

Маньлат порат, хон олум порат, Серёга матум ойка Витебский губерният олыс, тав каснакол сунсыглан хумииг рупитас. Начальникыт ёт ёмас олыс, олн акван атыс. Тувыл колтаглэ ёт Герасимовкан татыл нёр ман йис, хозяйство варунгкве патыс.

Китит пыге Трофим, молях нэ тотыс, лаква минас, асёйка кол похыт таквинатэн кол унттыс. Асёйка экватэтыл и Данилал—овыл сорумнпатум пыге пыгыл хультыс. Хозяйство товылхати, а асёйкан акваг мосься, акваг та ати ос хартыгли, Данил ти вармалън ос ханисьтитэ.

...Павел сохрипн нох-хангхыс, палыг-пунсим авин акгкватас. Асёйка саквалам турыл эргыс, пунгкетыл хосгыс и нёсыртахтыс:

— Касынг хоталыт олсыт, ам, ёмас хум, ос яласасум!..

Пуссын матарн мувинтасыт. Павел мань нёлолов тал янит апситэ Федя осься турыл кур алат мувинтас. Топ сяр мань хот тал янит Роман осьхультахтим асёйка нупыл енгта самагетыл сунсыс.

Федя ави сунтыт кангке касалас, курныл ёл-порыгмас.

— Кангкум ёхтыс! О, сунсэн, мансавит турхул!

Асёйка нох-люлис:

— А-а, хул алисьлан хум! Я-та, апыг, тыг-йиен, йиен. Павел миниматэ, унлын хотпат нупыл сунсим, апситэн восгасас:

— Асюм кантынг атим-а?

— Тав касвари, Паша, асёйкам ёт эргыт эрги.

Ась нёвыль ломт тэстэ, супе ёмсякве катпаттал сэгыстэ.

— Нанг, пыгкве, манрыг тох хоса яласэгын?

— Атякве, хосан минасув... Тур та палт олсув.

— Сунсэн, хоти накт тах ёл-сялтэгын. Я-та, унтэн, таен. Татьяна, тэнутыл таве сарпинэлн.

Сяне капуста исмит ани мис, пыге похн унтыс.

Татьяна хот-сакум, осэ хот-нужомтахтим олыс, тав ват тал акваг рупитас, мосься сягтыглалас. Мань порат ханисьтахтунгкве ат ровыс: кол похыт олум сёлынг хум палт мет нэг рупитас. Хум варыс, купнитыг ос ат емтыс. Хозяйство и няврамыт осьнэтэ магыс, агмынгыг емтантас, и ёре холанти,

но Татьяна топ нявраманэн сьгтыглас. Вот Пашка манхури-паг, номтынгыг яныгмас! Школат сяр ёмас ханисьтахтын пыгрись. Ханисьтан нэ Зоя Александровна лави, тавен акваг элаль ханисьтахтунгкве эри. Эрынгпыл, докторыг ман ханисьтан хумыг емти. Юв сав сир книгат тоти и акваг газетат ловинти. Сяне ос слогыт сирыл ловинтангкве, хансунгкве ханисьтастэ. Овлэт мувинтынг олыс, номсыс, аквтипыл наскассыг ханисьтахтэгум, тувыл букватныл латнгыт варунгкве ос тананыл торгамтангкве патсанэ.

Пуссын ёмас олнув кос, топ Трофим нявраманэ нупыл сэнгквынг, янгысь хотмус-тай Павел ат эруптитэ.

Татьяна эруптим пыге нупыл сунси, сэмыл сурумнув атанэ катыл вотги:

— Молях ул таен, Пшакве,— айтхатэгың...

Павел котартахтим, нямыртахтим тэс, нялитэ пувлитэ, Данила сасге нупыл ангкватали. Таитэ уласн онтастахтим унлыс: самаге асёйкатэ хурипаг, сэнгкв хурипаг ос сам халаге осьсг. Нуми суп ерет тусанэ та кос яныгмегыт, выгырхарпа тусанэ акваг ат яныгмегыт. Павел вагтэ, Данила нёл ёли-палэ ватихал тус хуратан касайл нилтали, тусанэ ёмсяквнуде вос яныгмасыт. Яныг ойка хольт олунгкве тангхи. Ань унли, ат хунтлан, вина аюм катагетыл хохса пери. „Эсыгхати“, Павел номсыс.

Данила хохсатэ перунгкве ат вермыстэ: сар ёл-сосантастэ. Федя ляпан вовыстэ и стакан тактим лавыс:

— Та... аялэлн.

Федя самаге яныг енгтаг варияге, пунгке хосги:

— Нангки аен, Пашка лави: няврамытн ат рови.— Тав пилим, урхатим яныг кангке нупыл ангкватали.

Федя Павел сака эруптитэ и тав хольтэ олунгкве тангхи. Ведь таквси Павел нилит классыт ханисьтахтунгкве пати, а Федя, топ овыл классын мини. Та кони-пал Павел пионер отряд вожатыг оли, няврамыт пуссын тавен хунтлэгыт. Кит тал холнэ юи-палт Федя ос пионерыг емти!

Данила мувинтали:

— Нангын Пашка маныр лави... Тав нангын хотгьют?

— Кангкум.

— Ам ос нангын кангк.

Федя астал оли, матаре номси.

— А нанг пионер хунь!—тав лави.

— Пио-онер!—Данила лаве ювим латынг лавыс.

Ксения сясекватэ тулёвлыл хосги, пунгктал супетыл мамли:

— Хорахси, нанг Федька манарн ханисьтилын! Апыгкве, тыг-унтэн.—Тав пыгрись такви похен унттыстэ, вотгыстэ.

Асёйка Серёга касынгысь Павел нупыл пунгке хосги:

— Федькан ат рови, а яныгнув хотпан ханьсювлангкве рови.

Аюм Трофим мувинти, Павел палт нюнсхати, синыйтитэ:

— Пыгкве, ам палтум ляпан йиен, ятилкве...

Тав исум регвитынг, тав вина атыл пасыс, но Павел таком осьхультыхтыс, хосат асен ат вотгыглавес, тав палтэ ляпан ёхтыс и ласьлакве сягтим лави:

— Атякве... атякве...

Ома мувинтим тан нупланыл сунси. Тав нуйхатам вильтэт сягтилпа олыс.

— Хосаттагыл тох вос олнувыт... А то нявраман эруптангкве хот-ёрувлахтасын.

Ась витынг питьмиягетыл пыгрись анигластэ, тав палтэ истакан нарыгти:

— Пыгкве, аськен магыс аелн. Аськен пустаглыг олнэтэ магыс!

— Тавен ат рови, Трофим: тав пионер,—Данила нёсыр-тахтим лавыс.

Татьяна нох-люлюмти:

— Трофим! Китхал ман патсын? Пыгрисин хурумхойплов тал... Пашакве, тавен ул хунтлэн!

Но Павел ласьлакв истакан вистэ:

— Ома, пойтэн-сар.. Ведь атякем магыс аегум!

— Па-аша—Федя ронгхи.

Татьяна кантмаим ронгхи:

— Трофим!

— Я-та ладно, ладно, воссыг ат патэгум...— асе виноват-ынгысь куньги.— Таня, сяй маен...

— Ти сир вос олнув— сяй...— Татьяна роттамлим мувинти, тав палтэ пунигтахтам Романэ урхатим похан тар-тыстэ, касынг емт пасан сёпитанэ холът пасан сёпитангкве патыс.

— Сяй,— асёйка лави,— атынг утыл аюнгкве ёмас. А нан сяй айнэ магыс маныр оньсегын?

— Матырсир утыт олэгыт,— Трофим Федян сам рапсясалим, усинтим лавыс.— Атынг тэнут оли.

Тав хосыгхатим пасанныл квалыс, искап ави палыг-пунси.

— Конфетыт!— Федя сягтим нянгхи.

— Маен, атакве!— Роман аквти сирыл лави.

— Сяр атынг конфетат!— Трофим нелметыл лясатаптыс, нэпак хургетыл хосгим, илттыг саквалим турыл мувинтангкве патыс.— Ти хотал лапкан тотвес, ам и вислум. А янгысь та вармаль— нэматыр ат ойтсум! Сельсовет председатель!

Тав няврамаген кит конфета мис. Федя аквти сёс пасан нуми-палт ёл-хутувъяс и конфеткан катпаттал лап-утыгпасаге, аквтоп ти тиламлангкве астлахтын керынгхомлахыг. Тувыл Федя кангке нупыл ангкватас. Павел унлыс — тав вильтэ выгрыг, пут хурипаг емтыс. Тав конфеткати ат пыл пухталас.

— Ам тэнгкве ат патэгум,— Павел ласьлакве лягалас.

— Ам ос ат патэгум...— Федя лавыс.

Пуссын Павел нупыл ангкватасыт. Асе акв саме акван хунигтастэ:

— Манрыг тэнгкве ат патэгын?

Павел астал олыс.

— Я-та?

— Таи магыс... Таи магыс...

— Манрыг?

Павел пасан ёли-палт вовта парт лаглыл маласьлас, номси, хайтунгкве патэгум ке, аман торас ат вари.

— Таи магыс... манрыг нанг конфетат висан?— тав юи-овылт лягалас, вильтэ выгырхарпаг емтыс.— Висын, а олн ат ойтсын!

— А олн ат ойтсын... ласьлакве Федя лавыс.

— Паша! — сяне ронгхувлас.

Серёга асёйкатэ нёвсалтахтыс, пунгке хосгыс:

— Апыгкве, асин урыл люльсанг потыртэгын!

— А тав матыр ат эри, ул вос вари! Тав номси, председателиг оли, тавен матыр эри, пуссын рови!

Трофим пилисьмангысь самхульмаге акван утыгпасаге. Тав тусэ хасумтахтыглас.

— Та сир ке... — тав, латнгыт хосаг хартим, суйтал колт лягалас. — Нанг сирынт, та сир ке, ам — тулмантан хум?

Тав супеныл энтап хот-хасумтас.

— Товли, Трофим! — Асёйка таве супет пувумтастэ. — Хулилын, товли! Тав мань, нэматыр ат торгамти... Яныгми — номтынгыг емти.

— Ам нангын сунсылтилум, ам манхурип тулмантан хум! — Трофим харсятам супе матум ойка катныл хот-манумтастэ, пыге палт усувлас.

Татьяна нох-люлюмтас, ойкатэ эли-палн люлис:

— Пашка ул новелн! Хулилын? Ул новелн!

Тав экватэ мори туясастэ, энтапе хосувлас.

Павел вастэ, асе хосувли, ёл-хутувъим, похын квалапас. Энтап уласн хояс. Пыгрись иснас палыг-лис, турман ман порыгмас.

Павел акв минута сис карта ави похыт люлис, мори кайнэ асе ронгх суйн хунтлас. Тав энгнэ хасумтахтыглас.

Сохрипныл люсьнэ Федя хайтыс, кангке палт ёхтыс:

— Пашк... ратвесын... агмынг.

Тувыл асёйка кон-квалыс, нэмат сака такысь Павел во-выстэ:

— Оссам, асин нас мувинтас... — Тав пыгрисьн конфетка тактыс: — Воелн. А этлунгкве, няврамыг, ам палтум йиен, а то асинн ратавен. Сунсэн — мори каюнгкве патыс... Конфетка воелн, тав нас мувинтас.

Павел ат вастэ, вингкве ман ат вингкве, но сёстаки конфетка вистэ.

Глава III.

ВОРТ АЛХАТНЭ ВАРМАЛЬ.

Эти раквыс. Но алпыл торум системаыг емтыс, акв тул атим олыс, вор нуми-палт хотал хоталалунгкве патыс.

Тав сав сёс касынг пумквет, қасынг луптаквет вольгыс.

Али маныл малтип вот вотыс. Йивыт, яныг вит самыт пат-талим, луптанылт каминьтыг хорыстасыт.

Вор хосит агирись сэмылхарп супыл ёмыс, мори хойнэ-войкан сагаге ти вит самытныл титумыг емтумыг.

Тав карыс пумыт тармыл минас, суп кемплитэ нохнув-алмыгластэ, и хоталн сэмылгнув котарим санспунгкаге витынг пумытн сэквтавесыг.

НэMAT сака янит хара ма ломтыт агирись хуньт сяхылн паттим йивн унтыс. Мувлахи пумыт вотн хорыставесыт, муv-лахи раквын раквим ворныл касынг суй суйтыс. Хорамынг луптат атыл сэкв атыл пассыт.

Агирись, матырсиpмат эрыг ласьялакве эргим ос муvала-лим, сав пал нупыл сунсыс. Тав похет нярпум пум порхын яныг ярмакхарп пунынг магварпа ойка исапас, пум порых аквкемыл тав тарвитэныл хосыгхатунгкве патыс. Магварпа аквкемыл пунынг лаглагетыл пумсиг ёмыс, иснас кер хурип товлаге торгыгласыг. Агирись муvалас, катэ тав палтэ такта-пастэ. Тавеныл рохтум магварпа нох-тиламлас, и, енгтаг-ялим, нох-лапхатас, йивыт халытн патырас.

Агирись, магварпа хот-устум юи-палт, такысь лилтасас, нюнслахтас ос, катэ пунгк ёли-палн пиним, йивн ёл-хояс. Тав вор суйн аквтоп ёл-хоюптавес, самаге лап-пантсаге.

— Таве разведкан кетунгкве хунь рови!—илттыг тав хоттыют мат муcттал тур суй хунтамлас.

Агирись, супе сёпитим, молямлим нох-люлюмтас.

Тав эли-палэт Павел няврамыт ёт люлис.

— Маныр... ам нэматыр...—тав эссамтим потыртангкве патыс.

— Я-та, нэматыр!—Павел, юрthумиянэ нупыл касынгысь

ангкваталим, мувалалыс. — Нэматыр, топ вор янит торвинтан суй суйти.

Агирись аквтоп новвес, лягалас:

— Ам сяр ат пыл ёл-оилматыглавесум. Топ самагум туп-туп лап-пантсагум...

— Ладно, — Яков румангысь лавыс. — Тавай, ти сёс таве липась тартилув, ос аквти сирыл ке вари, воссыг ти наке нас ат пари. Тав лёнгх посыл унттунгкве сака ханьсювлас. Ведь павылныл тав лёнгх посанэ сирыл йисув и похын ат ми-насув.

— Та сир вос оли, ти накт тартилув, — Павел элаль мувин-тим лавыс. — Нанг, Мотя, тох и ваелн: лёнгх посан магыс нангын люль дисциплинан ти накт липась тартилув!

Тав поханнув минач, атхатам няврамыт сунсыглас и ронгхувлас:

— Отряд! Линейкан люлен!

Пионерыт хара ма ломтын рат сирыл люльсыт.

Пионерыт наманыл лавиманыл юи-палт, насаки линейкат лов хотпа топ оли. Акв пионер агирись ат товылхатыс — Клава Ступак.

— Я-та, ваим! Агирисит, акваг тан манав люльн паттия-ныл! — Яков ломгасас.

Мотя тав нупылэ тулёвлэ хосгыс:

— Я-та, нанг агирисит урыл асталнув олэн!

— Ул потыртэн! — Павел кантмаим ронгхувлас.

Тав астал олыс, командир хольт строй сунсыглим, праздник потыртан хольт лавыс:

— Герасимовский отряд мань пионерыт атхатнэ вармаль пунсилум! Рабочиит вармаль магыс воритотунгкве астим олэн!

Атхатам няврамыт сака юртынгысь ювле кос ат лавыт, но молях и суингысь ювле лавыт:

— Акваг астим олэв!

— Знамя тотнэ хум, флаг нох-алмелн!

Яков молямтахтим путиныл выгыр флаг кон-лэватас. Ёр-гим халь йив сайт санспугкагетыл тангыртим, флаг тальхен нэгыстэ. Та юи-палт Яков стройныл хот-квалыс и сайт раквын

раквим каминьт ман пувтмастэ. Мань выгыр флагкве вотн хосгантангкве патвес.

— Вольно! — Павел команда мис. — Няврамыт, тосамнув ман унтэн.

Тав энтапеныл книга лэватас, книга ёмсякве газетал маниг-тима. Ти Горький книга — „Сянь“. Ханисьтахтын тал холам юи-палт, Павел Зоя Александровнан ти книгал муйлуптавес. Пионерыт овлэт книга очередь сирыл ловинтангкве емталасаныл. Но тувыл лавхатсыт, лучше акван атхатнэныл порат аква вос ловинти, а мотаныт вос хунтлэгыт. Тох нэмхоттгыюти люль ати, а книга сака пумась!

— Та, воелн, Мотя, нанг очередин.

Мотя книга палыг-пунси. Тав тур суге ласьялакве и аквкемыл суйти. Воссыг аквтоп вор атим олыс. Аквтоп тан мот ман минаясыт. Павел симе молях пугги. Горький хансум элмхолас наме ос Павел олыс. Маныр ёмас элмхолас! Тав липась олнэ вармаль магыс, мир сот магыс такем пилтал воритотыс!

Мотя ловинти:

— „Гудок ронгхунгкве патыс, такем-та тав ронгхыс, элмхоласыт потыртан суяныл ат суйтунгкве патсыт. Махум аня нёвсунгкве патыс, унлум махум нох-люльсыт, минута сис нэматыр ат суйтыс, пуссын урхатим люльсыт и махум вильтаныл войканыг нуйхатсыт.

— Юртхумит! — Павел суинг и так тур суй суйтмыгтас.

Тосам и исум сэнгквын сянь самыг котаравесыг, сяне алпи такыг емтапас, тав аквти торыг таксарыг нёвумтталыс, пыге юи-палн люлис. Пуссын Павел нупыл ёнгхыгпасыт, и тав аквтоп магнит ломт кер самытн мувылтавес.

Сянь тав вильтэ нупыл сунсыс, топ самаге вас, ёрынг, пилтал, пелпысь суснэ самаге...

— Юртхумит! Ман туйттал лавев, ман хонгхат, ман тихотал ман знамяв нох-алмев, номт, липась, веськат тотнэ знамя!

Янгк и хоса сайт воздухт нэглапалыс, ёл-хутыс, махум аня киттыг яктыс, патырас, минута холам юи-палт нонгхаль суснэ махум вильтыт нуми-палт выгыр товлынг уй хольт пангхвынг рабочиит знамя тор нох-лапыс“.

Мотя тур суй ти вармальный торгункве патыс. Тав такысь лилаяс и пионерский флажок нупыл ангкватас, флаг аквтоп най нелм хольт нярпумоспа йивыт халт хосыгхати. Няврамыт Мотя ёт флажок нупыл ос ангкватасыт.

— Номт, веськат, липась тотнэ знамя... — Мотя ласьякве китнтыг лавсас.

Яков унлум матэныл нонгх-люлюмти. Тав вильтэ пились-мангхарпа.

— Хулилын-а? — тав восги.

Ворт хотгыют-та ронгхи.

Ань пуссын хулсаныл: хот ляпатнув Клава Ступак ронгхи.

Пионерыт ат ваганыл, маныр варункве, акв нупыл ангкватэгыт, нох-люлегыт. Хара ма ломтын пингхын Клава нэглапас. Тав такем-та вильтэ нуйхатам, вильтэт сэмыл раксанэ усьпылнэг нангкункве патсыт.

— Няврамыт, — тав таглим тур суил лави, — ам юи-палумт саковцыт нявылхатэгыт!.. Ахвтасыл юныгтавесум.

Герасимовкат тамле няврамыт „саковцыг“ лаввесыт, хоти няврамыт палт пунктотнэ хумииг Петька Саков олыс. Саковцыт отрядн сав люль вармаль варсыт. Овлэт, школат пионерский отряд емтуме порат, тан сав сир урыл сбор (атхатнэ вармаль) хот-маныгтангкве арталахтыгласыт. Класс иснасыт сакваталыгласыт, пионерыт тот олнэныл порат тан холам письписит пахвтыгласыт. Тувыл, школат ханисьтахтын пора холам юи-палт, пионерыт саковцытныл туйтхатим ворт атхатыглахтасыт. Петька и тав юртанэ пионерыт аквал-аквал урунгкве патсаныл.

Павел вильтэ хот-нуйхатас, тав Клава Ступак палт ёмыс.

— Тан хот олэгыт? — тав ласьякве китыглахтыс.

И аквта секундат хотыл-та тав палтэ ахвтас сёватас. Павел молях ёл-хутувъяс, ахвтасн туп сартувъявес.

— Пилнэ хум! — кантмаим Павел ронгхувлас. — Ахвтасыл пахвхатэгын, а акван-акван хонтхатунгкве пилэгын!

Ти вовнэ вармаль олыс. Та порат нирсяхлыт китгыт утыгпахтасыт, и хара ма ломтын Петька Саков нэглис. Ти таклынг выгыр пунгкатуп пыгрись. Катаге сепн магим, ат-

хатам пионерыт нупыл люльсынґ сунсыс. Аквал-аквал саковцыт хара ма ломтын нэґлыґласыт.

— Я-та, хонґха пилнэ хум?—Петька китапахтыс, ёли питьми ере элалы тактим, ванґнэ ултта саламас.

Павел тав ляльтэ усувлас. Тав тарвитынґысь лилтыс.

— Сунсэн, Петька, тах ти ёнґилын люльсанґ холи!

— А нанґ ул пилуптахтэн! Ам ос пилуптахтунґкве вер-меґум.

— Ман нанан ат новиянув, и нан манав ул новелын.

— Сунсэн-сар, манхурипа!

— Манхурипа?

— Сака ёрынґ. Нэматрыґ ат ровнэ коммунист!

— А нанґ подкулачник!

— Нан флаґын ман тах тор ломтыґ варилув!

— А я-та сар, арталахтэн-сар!

— И арталахтэґум!

Юртанэн такмалтим Петька Саков, тыґле-тувле хосыґхатим, отряд флаґ палт йис. Павел тав похет аквмаґылтарыс ёмыс.

— Я-та, арталахтэн!—тав, пунґканэ акван товмим, лавыс.

Саков ювле нэматрыґ ат лавыс, ласьялакве сепеныл катэ хот-лэватастэ и катэ аквти сёс флаґ палт тактапастэ. Секунда холам юи-палт Павел и Саков витынґ пум тармыл поварттахтыґласыґ. Петька юртанэ нётунґкве молямтахтасыт.

Матахкем секунда юи-палт хара ма ломтыґ пухталахтунґкве патсыт. Хара ма ломт ерт акван атхатам агирисит няхсыт.

Ёрынґ палэ саковцыт нупыл олыс. Мотя ёл-ротамланґкве ат вермыс, вастэ, хумус аква тананылнынл сяр флаґ ляпан ёхтыс, таве хот-лэватанґкве емталастэ. Мотя симынґкаккре аквтоп полям витыл сосыґпавес.

— Ах нанґ хомыл хола!—илттыґ тав такысь ронґхувлас, Мотян хулхатас, тавен пуссын нэматрыґ ат таегыт, тав воссыґ нэмхотґтыютнынл посынґ мат ат пилыс, враґ палт вусьякасахтыс.

Акв катэтыл тав атанэн пухтыс, а мот катэтыл таве консунґкве патыстэ. Та пал хонт пыґрись тамле пилтал аґи-

рисьныл рохтыс, нянгхунгкве патыс, манумтахтыс и эссамтим хонтлан маныл хот-ояс. Мотя тав юи-палэт хайтыс, таве сисэт мори пувтыстэ, туистэ.

— Ах, нанг хола! Флагув магыс тах, самагын хот-косъягум!..

Пилнэ вармалъ сака хангххати. Акв хотпа юи-палт мотаныт оюнгкве патсыт. Петька Саков сяр юи-овылт ояс, пум хот-сальгим, вильтэт келп хот-сэгим, хайтыс.

Но пионерыт ти нох-патум вармалън ат сьгтсыт. Тан сбораныл хот-маньгим олыс. Тан суйтал Павел мувлахи атхатсыт. Тав, тарвитынгысь лилтим, сам ёли-пал пут хурип пувлахтам матэ катыл урхатим, новыстэ.

Павылн астал минмыгтасыт. Хунь йивыт халт колыт нэглисыт, Павел Мотя нупыл акгкватас ос такысь мувалас:

— Сунсэн, тав манхурипа! Агирись кос!

Глава IV.

РОТМАЛТАХТТАЛ ЭТИПАЛА.

Василий Потупчик ави эли-палн кон-квалыс. Самаге акван вониртасаге, торум нупыл ангкватас.

Ави эли-палт Мотя унлыс. Тав похет Павел ос Яков санспунгкыт унлысыг. Пуссын хурум матараныл та потырта-сыт. Потупчик касаламаныл порат тан потыртан маныл тув-пойтсыт.

— Атякве, нанг манрыг тох сунсэгын?— Мотя китыглахтыс.

— Ильпииг турапыг хартхати.— Тав выгырхарпа тусанэ консасьласанэ.— Эт сис турн ялунгкве емталасум,— улпыл ат минэгум.

— Ракв-а?— Яков, горизонт нупыл сунсим, нохнув-люлис.— Вася аким ойка, сэрпос нэглин ма систем.

— Ангкватэгын. Ам воряян хум хольт ваглум. А нан тит маныр потыртэгын?

— Нас сав вармалъ урыл потыртэв.

— Вармалит! Сунсэн-сар, маныр вармалинг махум! Тав осынг турыл мувалас.— А нанг, агикве, асин тэнутыл вос титтыслын.

— Атякве, кур кивырт оли.

— А нангын сав-а?

Мотя матыр вовнэ хольт латынг хоса лавыстэ:

— Атя-кве...

— Я-та, товли, унлэн!— Тав катэ хосувластэ, колэн сялтыс.

Няврамыт ласьялакве потыртасыт, акваныл потыртангкве пати, мотананыл овылтахти. Сатамас. Колыт халт сэмыл вор нуми-палт сэрипос туп постыс. Тамле итипала сёс порат павыл сяр татыл, суйтал олыс, хосатнув хотимат мат гармошка ёнгыс.

Ави хоплаталыс. Мотя няр лаглыл ави эли-палныл юв-сялтнэ элмхолас ляльт порыгмас.

— Юртхум Дымов!

— А-а, Мотя!— Элмхолас так пунгканэ вольгасалсыт, тав мувалас.

Тав маньлат, вангнын-самынг олыс. Янгк суп масум, тохнитэ палыг-хояс, симыртан сопакыл олыс.

Авиныл Потупчик кон-ангкватас, пасялахтим ронгхувлас:

— Маныр емас, колувт олнэ хум ёхтыс! Тэнэ поран ёхтыс.

Павел элальнув ёмасас, эссамтим лавыс:

— Юртхум Дымов, ман вармалъ оньсев...

— Федя, маныр сир вармалъ?

Мотя мувалас:

— Тии Федя хунь— Федя мань. Тав кангке...

— Ах, ам маныр молях ёрувлэгум!— Дымов пумасиг катагетыл хосувлалыс.— Ам ляльтум та ёмас варен, ти магыс ул кантлэн! Я-та, Паша, ам хунтлэгум.

Тав ави эли-палн ёл-унтыс, парсин торныл варим сумкатэ тулёвлыл ратыгластэ, няврамыт ляльт пумсялахтыс. Тан тав ляльтэ люльсыт, акв нупыл ангкваталсыт.

— Ман нэпак ловинтан кол урыл китыглахтунгкве танг-хев,— Павел овылтахтыс.— Тав ань аквтипыл лап-ратим оли.

Ханисътан нэ усьлахтунгкве минам юи-палт лап-ратвес, воссыг ат пуссавес. Ман тот пионерский клуб варунгкве тангхев.

— Клуб?

Дымов номсунгкве патыс. Кит хотал парум юи-палт тав Герасимовкан районный ёхтыс, уральтангкве, хумус сельсовет нянь астли. Уполномоченный тит хоса олунгкве ат номсыс: партия райкомт Трофим Морозов сяр ёмас председателиг лавыглавес, тав такви тах махумытн торгамтаптунгкве верми, маныр сир польза государствовн тиналан арыг нянь тоти. Но насаки, Герасимовка вармалит люлит. Ильпи ёхтум хумн усьпылнэг няврамыт сятгсыт. Маныр ёмас махум!

— Нанг, Паша, лавегын, клуб варунгкве эри?— Дымов кентэ хот-ангхвыстэ и, номсахтиматэ, атанэ катыл вотгысанэ.— Ёмас вармал... Топ овлэт нэпак ловинтан кол пунсунгкве эри. Нан палтын манах пионер оли?

— Аквхойплов,— Яков молямтахтим ювле лавыс.— А тит-ти Пашка, ман пунгкютотнэ хумиюв. Вожатыг ман ханисътан нэв Зоя Александровна олыс, тав комсомолка. Тав ань топ таквси ляпат ёхти. Тав усьлахтунгкве минас.

— Я-та,— Дымов куньгыс,— павылт мансавит элмхолас оли, а пионерыг топ аквхойплов! Тох ман рови, ти савит хотпа нэпак ловинтан колтал хультуптангкве? Пионерыт атхатнэ порат ёмас пионер периен, нэпак ловинтан кол тав вос пунси.

— Таве ти периянгкве эри,— Павел Мотя нупыл пунгкетыл хосгим суссылтас, ангкваталыс.

Агирись хот-сягтыс, тав вильтэ выгрыг емтыс.

— Мотя? Ёмас! Та сир ке, Мотя, нанг ти халт нэпак ловинтан кол пунгкютотнэ нэг патэгын. А?— Дымов касынгыс самаге хоньги.

— Я-та, агирись,— Потупчик ави эли-палт люлим лавыс,— ань нанг ам ётум воссыг вайхатунгкве ат патэгын!

Дымов Павел такви палтэнув сиынгтастэ:

— А нан тавен нётэн. Ладно? Акв юи-палт дежурныйг олунгкве патэгын — аква ти. Газетатыл, журналытыл, книгатыл ёхтунгкве патавен — ти китыг. Няврамыт, книгатт колхозыт

урыл хансим оли! А нанан, пионерытн, ти колт атхатыглах-тунгкве рови...

— Партейный юртехум,—вораян хум таве номылматыс,—тэнгкве йиен, тэнут хот-поляве! Няврамыт, пр-р-я похын! Эм-холас потыртангкве хойтысаныл!

— Ювум, ювум, Василь аким ойка,—Дымов нох-хангхи.—Паша, нанг ти урыл асинн лавен. Сельсовет председатель нэпак ловинтан кол пунсунгкве вос нёти.

Павел астал оли.

— Я-та, маныр лавегын?

— А нанг... товарищ Дымов... нангки тавен лавен...

— Манрыг тох?

Павел ос астал люли. Вораян хум суйтал лави:

— Тэн асентыл кантлэг.

— Кантлэг-а?

— Тав асен мось хоиглавес... Ам тан коланыл похыт оlnэм магыс ваглум... Пашка, соль ман тох олыс? Ам номилум, хунь нанг пионерыг хасхатамын порат такысь энтапыл ратвесын.

Дымов Павел нупыл ёнгхыгпас ос эссамтан пыгрись яныг сэмыл самаге нупыл ёмсякве сунси.

— Паша, тох ман ратвесын?—ласьялакве Дымов китыглахтыс.

Павел пунгке ёл-тартитэ, нэматыр ат суйтал ломги:

— Нэмат ат ратвесум... Вася аким ойка... манрыг нанг...—Тав латнгыт хонтунгкве ат верми, питьмияге пури ос аквити сёс пилнэ матэныл тув-пойтыс:—Товарищ Дымов, а нанг молхотал манавн хаснэ магыс лозунг мингкве лавсасын. Номилын ман ати, нянь пумыт, колхозыт урыл хансунгкве лавсасын?

Уполномоченый Павел нупыл сэръёрыг сунси, матыр-та номси.

— Мыглум, Паша... Тэнэм юи-палт хансэгум. Минута сис урхатэн.

Няврамыт Дымов ос Потупчик нупыл суссыт, ави эли-палн унтсыт. Сяр турманыг емтыс, колыт иснаваныл наил

постунгкве патсыт. Павылт нэматыр суй ат суйтыс. Турмант-
вот хояс, пунгк атыт нёвитас, тувыл ос тув-пойтыс.

— Турапыг хартхати,—Яков такысь лилаяс ос илттыг
урхатим матыр-та хунтлас.

Коныл кантынг эква тур суй суйтыс:

— Яшка! Яшка!

Яков нох-люлюмтас:

— Ой, няврамыт, та ос та патвесум! Омамн вовавем.
Омакве, ювум!—Тав ярпи ултта порыгмас ос турмант патырас.

Павел, Мотя астал унлэг. Мотя Павел нупыл хоса сунси,
Павел вильтэ туп нангкыс, Мотя восги:

— Паш...

Тав ат хулитэ, аквта сир санспунгкаген онтастахтим, энгнэ
катпаттан пиним, роттыг унли.

— Паш...

— А?

— Нанг маныр номсэгын?

— Нас тох... —тав вангнаге нёвитасаге.

— Ам ос номсунгкве тангхегум... Сав сир урыл, сав сир
урыл! Ваглын ман ати, хунь номсунгкве ёмас? Ёл-ойнэн
порат. Соль-а? А нанг улум васинтэгын?

— Улмаегум.

— Ам акв сёс улмаясум, номсэгум, Герасимовкат колыт
иснас керыл варимат, электричество оли.

Павел тав ляльтэ пумасьлахтим ангкватас, торгамтаптим
лавыс:

— Электричество соль емти. Номилын, Зоя Алексан-
дровна лавсас, касынг павылт электричество вараве. Топ овлэт
колхоз варунгкве эри.

— Топ иснас керыл варим колт олунгкве ат патэгыт —
саквалэгыт...—Мотя такысь лилаялыс.—Паш, а акв сёс на-
нгын улмаяслум...

— Анум?!

— Ага. А нанг анум нэмхуньт ат улмаяслын?

— Ати...—тав мось астал олыс, тувыл лавыс.

Элннув паль вор миргыс, акваг ляпатнув пилисьмангысь

суйтыс. Павылн нянгра, няльсинг вот ёхтыгпас, элн олнэ няр ат, вор хасса ос ховтыт ат ёт тотыс. Пелуп сяхыл най колыт ала нуми-палт тахас, харыглас, аквтоп витн магумтавес.

Тэпкант амп хорталтахтыс.

— Аман хонгха нупыл Кусака хорти?— Супе санспунгкыт ургалим, Мотя нох-люлюмтас.

Тав колрись сайн патырас, но Павел тав вотн эла-тотим осься тур суге хулыглас:

— Кусака, Кусака! Та, та! Хонгха нупыл лавегум! Кусака!

Торумт кургунгкве патыс. Агирись, тарвитынгысь лилтим, ави эли-палн хайтыс.

— Паш, нанг ваглын ман ати, ти хонгха олыс? Тэпканыт хосит молях минас...

Павел ласьялакве нох-люлис.

— Хоталь?

— Турмант ман ханьсилын? Аквтоп нан тэпканынн минас. Нанг унлэн, унлэн...

— Юв-хайтнэ пораг емтыс,— тав урхатим турман ма нупыл ангкваталыс,— ат ке минэгум, омамн лявыльттавем.

Ави сунтын Потупчик ос Дымов ёхтысыг.

— Товарищ Дымов, ам номсэгум,— вораян хум суингысь потыртас,— нанг лавнэн сирыл, соль ман, колхоз ангквалыт хот-маныгтангкве пати, ти яныг вармаль! А то ман палтув ти сирыл емти: ойка ма сакватангкве мини, ма сакватан йиве палт понюмтахти, сунси — ангквал! Ангквал ултта ма сакватан йиве тотитэ — тувыл ос ангквал! Ма салме миннэтэ сис, супе сисэн хани, лув похаге рег витыл перыглимаг. Ос лёмвоитн, манюитн тэве!

— Василь аким ойка, ма сакватан йив пенс трактор ма сакватан керынг лутынг тагыл эри.

— А ам трактористыг патэгум!— Мотя лавыс ос марсюмыг тыг-нётумтас:— Топ ам трактор ат васум.

— Касалилын, Мотя! Сяр мак... Ого!— Дымов, кургын торум нупыл сунсыглахтим, такысь лягалас.

Агирись мувалас:

— Матум ойкат лавегыт, тамле этт коробейникыт йивыт-ныл нох-квалэгыт.

— Манхурип коробейникыт?

— А, товарищ колт олнэ хум, ти вармаль пумась!— Потупчик куньгыс.

Тав потыртангкве тангхыс, потыртан юртэн сягтыс, тавен ань ёмас олыс, коробейникыг алим нак урыл, хумус ти вармаль олыс, ёмсякве потыртангкве патыс.

— Ёл-пойтэн-сар,— Потупчик потыр ёмсякве хунтлуме юи-палт Дымов лягалас,— ти элмхолас наме манхурипа?

— Кулуканов... Ёмас ма таквинатэн вистэ, тамле нялынг ут. Тамле кулак хомыл капай!

— Хм!..— Дымов пумасьялахтын хотпа хурипаг вархатас.— А ти элмхолас мир колт кулакыг хансим ат оли. Тох хансим оли: котлярт хум Кулуканов Арсений Игнатьевич. Пойтсэн-сар, улпыл, ам палтум тит олнэ махумыт — список оли. Я-та-сар, Василь аким ойка, посн минимен.

Тэн ос юв-сялтсыг. Мотя Павел нупыл ангкватас:

— Паш, нанг хулыгласлын?

— Ань сосалтахти,— тав, торум нупыл сунсим, ювле лавыс.— Ам хайтэгум.

Мотя минута сис пыгрись хайтнэ суйн хунтлас, тувыл карта котильн минас, пунгке хони пиныстэ. Тав пайтэ полям ракв самн хойвес. Катаге сэмыл торум нупыл тактысаге:

— Ракве, ракве, раквен...

Глава V.

ЭТИ МУЙ.

Павел, лилитэ тув-марим, кол кивырн сялтапас. Сянь, турман ма нупыл сунсим, салетыл манигтахтим, иснас похыт люлис. Ави ратнэ суй хунтамламе порат, пыге нупыл ёнгхыг-пас, купнитыг лилаяс:

— Нангын ман нирыл юв-нявлунгкве?

— Омакве, ман тот ёхтум хум ёт потыртасув.

— Потыртасын! Сунсэн, манхурипа ракв... Опан палт минимен.

— Манрыг?

— Асин лавыс.

Павел астал патыс.

— А апсиягум хот олэг?

— Хосат тэн опан палт олэг. Минимен молях, атингк асин ёхти, кантмаяве.

Павел акв мат люлис, самхульмаге кантынгысь нёвитасаге. Тав самхульмаге енгта салум хурипаг, сэмлыг, ёмаспал самхульмет мань сэмылхарпа ломт олыс.

— Я-та, Паша, минимен.

Илттыг тав люльнэ матэныл хот-квалапас, сяне похын ёхтыс, восгунгкве патыс:

— Омакве... Турап хоталыг емтнэ порат, манрыг акваг опав палт минунгкве? Манрыг? Тав палтэ нохнэ хум лагерьныл ос ёхти?

Сянь молях пыге палт хутувъяс:

— Пашакве, пыгкве, асин ул новелн, тав вармалянэн ул тэлыгтахтэн! Пыгкве, хулилын? Ам симум агмынг — нанг сяма ратавен!

Пыгрись сяне нуйхатам вильт, тув-ротамлаттал, вагтал-патум самаге нупыл сунсыс ос вастэ, хумус тав энгнэ торгунгкве патыс.

Тав сяне катныл купнитыг липась патыс, хоса куртка масыс ос асе яныг кент пунгкен пиныс.

— Ам Яша Юдов палт минэгум. Ти хотал Тавда усныл газетат ёхтысыт, ловинтангкве патимен.

— Минэн... А ам опан палт олунгкве патэгум.

Тэн аквѣт кон-квалсыг. Павел урхатас, хунь сяне турмант патырас, сунсыглахтим, сарай похын ёлнув-унтыс.

Вот сивгыс. Мувлахи ракв суй ос аквкемыл раквнэтэ такысь суйтыс, раквнэ суй халт вор миргын суй туп суйтыс. Ватихал, сяхыл най салгын порат, нангкыс, хумус йивыт тальхыт вотн хутылталвесыт. Павел акван сюнгкыртахтыс: кола-ланыл суп тохнитэ кивырн полям вит овумлас.

Самаге турман ханьсювласыг, ань тавен ави эли-пал ём-сякве нангкыс.

Овлэт, ери тотыглим ос сопакыл вит вонгхат ултта някыс-тим, асе минас. „Аюм“,—Павел номсыс. Тав мотан урыс, таитэ, мотанэ, илттыг тэпкан палыл нэглыс, пыгрись алати ронг-хувлас, но веритас. Карыс, ат ванэ хум, нохасьлим, ласьялакве туйтхатим, пыгрись тара ёмыс ос кол кивырн патырас.

Павел, акван сюнгкыртахтим, нох-люлис. Тав польвес. Тав мори номсыс, такви ёмсякве ат вастэ — маныр варунгкве... Соль, маныр варунгкве?

Тав ави эли-палт нох-хангхыгтас, хунтлунгкве патыс, ави палыгнув-пунсыстэ, юв-ангкватас.

Колнак татыл олыс. Мот колнакт лампа пос вотныл ра-пысьтангкве патыс. Улпыл, ась, нохнэ хум тот олэг.

Вотн ави хот-манумтавес, палыг-рагатас, колпохн хояс.

Ань акв секунда сис номсунгкве ат эри. Ави похыт — кур, ти курт Павел Федя ёт хоигли... Тув-туйтхатунгкве рови...

Тав астал кур палт тахас, калась хольт варапахтыс.

Ави вотн хосгувес.

Ась кон-квалыс, карта нупыл ангкваталыс, ави лап-рохсат-аптыстэ, пасан палт минас.

— Тот маныр?—Павел хасьтал хум тур суй хунтамлас.

— Вот...

— Ну и вотас!—хасьтал хум каквасас.—Хумус сар, Трофим Сергеевич?

— Мосься мыгын.—Ась хоса усинтас; суйтыс, хумус тав лятгын койкан унтыс.—Нанг ти вармаль торгамтэлн, эрынг, олнэ вармалюм тии магыс мыглум, а нанг олн салитэгын.

— Ман ман олн хунь салитэв, Трофим Сергеевич.

— Салитэгын! А ам тии магыс каснаколн унттавем — воссыг латынг и атим... Торгамтаслын?—Ась портфель ту-ман лясатаптыс, нэпакыт хорыстангкве патыс.—Тит тият, удо-стоверениет. Сунсэн, ам тит хал варсум: нангки, манхурип намыт эрегыт, тув-хансиян.

Астал. Хасьтал хум улпыл ловинтас.

— Трофим Сергеевич, ёмас нэпакыт.

Ась мувинтангкве патыс:

— Тамле удостоверениетыл кос Москван, сяр Кремлин минэн! Хасьтал хум тара ювле ат лавыс, а хунь тав потыртангкве патыс, тав яныг, суйтал туретыл кантынгысь потыртас, Павел такем рохтыс:

— Ти ман ваглув, хоталь минунгкве эри.

Ась койкат ёнгхыгтахтунгкве патыс, мось осятахтим китыглахтыс:

— Нан тот сав хотпа олэгын... нанг хурипан утыт?

— Ати... (Пыгрисьн сусхатас, аквтоп муйхум нёсартахтим куньгасалыс.) Тамле хотпат олэгыт, советский сирыл олунгкве тангхегыт. Туп тамле махмыт магыс хунь, тамле махмыт магыс ти нэпакыт эрегыт, хотгыют кивре найн тэве! Хумус-я, Трофим Сергеевич?

— Ти китыг воегын.

— Топ китыг?

— Мотананэ мот сёс мыганум... Торгамтаслын? Хунь пуссын олныт ойтйян. Ти сирыл.

— Я-та, ёмас олэн...— Хасьтал хум витынг раквын ат поснэ сахитэтыл хорыстангкве патыс.— Ам хулыгласум, нан палтын районныл хотгыют ёхтыс?

— Таккетэ ёхтыс. Нанг ул пилэн.

— Анум ат рохтуптилын! Трофим Сергеевич, осьёмасулум.

— Хонтхатнэмен мус...

Хасьтал хум минас. Ась кол янитыл матаре ломгим яласас, лампа перыгтас, сопакаге ангхвсаге. Молях Павел тав тохрын суге хунтамластэ.

Пыгрись ласьялакве, урхатим курныл ёл-ваглыс. Тав воссыг ат польвес. Регынг олыс, вильтэ такем-та котаравес, аквтоп юсыгхатнэ понал тармыл хояс. Лагыл нёл тальхагетыл мот колнакн ласьялакве минас. Асе койкат хояс, лаглаге ёлаль ханасьласыг. Супе мосьнув палыг-хояс. Ёл-тартахтам питьмитэт сэриваруп хайтыгтас.

Павел портфель кинсыс. Портфель морминг саме осмахурыг ёли-палныл нангкыс.

Симе путгыс, тав хойнэ ман ёхтыс, лилитэ тув-марылтастэ, портфель хартунгкве патыс. Ась ёнгхалтахтыс, ломгыс, колпохн ёнгхыс.

Пыгрись ласьлакве лилаяс; сусхатас, симынгкакре аквтоп янгыг нарыгтавес. Торгын катагетыл портфель хартунгкве ос патыс, хунь асе пунгк тарвит хот-патыс, тав купнит сирыл лэвматастэ.

Асе нупыл сунсим, посынг ман минас, портфель палыгпунсыстэ, молямтахтим нэпакыт сунсыглас. Тит ти-я? Матахкем осьсяхоса нэпак лопыс хояс. Тав аква лэватас.

Удостоверение

1932 тал 27 июль этнос порат.

Ти нэпак гражданин та урыл майвес, тав соль Герасимовка павылт олнэ хум, Тавдинский районт, Уральский областит олнэ павылт, такви тахнэтэ магыс олнэ матэныл мот ман мини. Тав нуса хум.

Хасхатасум ос печать пинсум, соль.

Сельсовет председатель *Т. С. Морозов.*

Пыгрись нэпак ляльт яныг самыл сунсыс. Илттыг портфель катныл ёл-патыс, кумыртим колканн няксятас. Ась нёвумтас, коныловлэт нохнув-лаплахтас, пыге ляльт ат торгамтан аюм самагетыл сунсыс.

— Пашка?

Павел такысь пингхасас. Нэпак сяхнитэт пулиг-тангрыстэ, авин квалас. Трофим колкант портфель касалас, нох-люлюмтас, пилисьманыл тав морминг сэмылнуварпа вильтэ сови хартвес.

— Пашка! Пашка! Ёл-пойтэн!

Но Павел атим олыс.

Трофим лаглыл ави палыг-юнгасастэ, суинг турман ма нупыл ронгхувлас:

— Паша-а!.. Пыгкве... Ятилкем!..

Няр лаглыл, ави эли-палныл ёл-порыгмас, тыгле-тувле турапт хайтыгтас, катаге хосгим, тамле накныл туре саквалас, хоса саквалам турыл ронгхыс:

— Паша-а... Пыгкве-е...

* * *

Эт котилът Василий Потупчик ави ратнэ суйныл нох-сайкалас. Панарынг тагыл сохрипн кон-квалыс, кантынгыс китыглахтыс:

— Куль, хонгхан тотыглавен?

— Вась аким ойка, тартахтэн...

— Пашка?

— Я...

Вораян хум ави товартан утыл сихратаптыс, пыгрись панарыл постыстэ, пунгкетыл хосгыс.

— Э, пыгрись, нанг аквтоп сорумпатум элмхолас хурип, осын хот-нуыхатам!

— Дымов... хот оли?

— Хои. Воссыг тав хот олунгкве пати?

Потупчик Павел юв-тулыстэ. Та колнакныл Дымов, супе молях масим, нэglyс. Улмын йинэ Мотя нуй лэптал маниг-тахтим ёхтыс. Рохтум, тав пахвынг янгуи аньтыг ёли-палт колпохн пунигтахтыс (янгуи-ти хоти мат порат асе алыглам ут). Пуссын Павел нуыл осятахтим астал суссыт. Дымов пыгрись палт усувлас:

— Паша, маныр емтыс?

Павел сяхнитэ палыг-пунсыстэ, нэпак тактапастэ. Уполномоченный, панар палт хутувъяс, молях ловинтас.

— Я-та, ос маныр?

Павел такмалтахти, нэматыр лавунгкве ат верми. Ёмаспал самхульме нуми-палт сэмылхарпа ломт торги.

— Ти... ти нэпакыт... ам атямн тыг-кетим кулакытн тина-лиянэ...

Дымов матахкем секунда сис пыгрись нуыл осятахтим

сунси, тувыл таве витынг ос торгын пыгрись синьгити, аниг-литэ. Павел ти хотпа яныг симынгкакырн синьгтахтыс, тэн мось туп вайхатсыг, но аквтоп нангки рутын ос ляпа хотпан, люньсюнгкве патыс.

— Дымов аким ойка... Дымов аким ойка...— тув лилитэ марим восгыс.

Дымов молямтахтим тав пунгке, витынг сисе вотгыс ос суйтал лави:

— Паша, ат эри... я-та, ат эри пыгрись,— вагтэ, хумус тав самаге витыл хулиглэг.— Я-та, ат эри, Паша! Нанг... Нанг ведь сяр мак пионер!

Глава VI.

ТУМАНЫНГ КАРТА АВИ.

Таквси ялпынг хотал олыс. Кон агит ос пыгыт люльсыт. Павел, дежурствотэ Яковн миме юи-палт, юв-хайтыс. Юв-минамет, тав вастэ, тав нупылэ махмыт сунсэгыт, танки халанылт ласьялакве потыртэгыт.

Трофим Морозов судн лов талн каснаколт унлунгкве лавим пасныл, Павел нэмхуньт ситамыл ялунгкве ат вермыс, акваг васинтавес. Соль, тав асе люль вармаль лавме магыс, павылт ат лявильттавес, а янгысь янитлим „Пашка-коммунистыг“ лавунгкве патвес,— та кос тох лавыглавес, но ти ватихал махум суснэныл магыс, тавен тарвитынгыг олыс.

Юртанэн самынпаттувес, Павел асталнуveg олунгкве патыс, мосьнуv номсунгкве патыс, аквтоп тара яныг хотпа хурипаг емтыс.

Павылт ос мот сирыл емтыс. Мот председатель периявес, молях колхоз емти. Пионерыт колхоз урыл сав лозунгыт хас-сыт, яртпитн ханласаныл. Ти лозунгыт Дымовн варвесыт. Тав партия райкомн Тавдан воввес, саль. Такем ёмас элмхолас олыс, пуссынн эруптангкве патвес. Хунь минунгкве патыс, даже Потупчик таве анигластэ.

Павел такви картатэ палт ёхтыс, илттыг ёл-люлюмтас,

такви ат вагтэ, хумле емтыс. Карта ави лап-товарттим олыс. Тав яныг аргин туман тулэвлыл новыгластэ, яртпи ултта хангхыс.

Ави палыг-хои, кол кивырт хотгъютмат тур суит суйтсыт. Пыгрись ави эли-палн тув-ротамлаттал нох-хангхыс.

Ави похыт Данила перыгтим хохса хартыс. Лаве ювим, Павел нупыл ангкваталыс, супе сови варыстэ.

Кол самт сянь пыганэ ёт унлыс. А кол кивыр котилът Серёга матум ойка кит катагетыл сувен онтастахтим люлис. Тав матыр-та суйтал потыртас. Нангкыс, хумус тав сэмыл-харп тус овлаге нёвсысыг.

Павел ави сопла ултта усувлас, лавыс:

— Опа, пася олэн.

Опа ювле ат пыл лавыс, тав нупылэ ат ёнгхыс. Данила лягалас:

— Коммунистыт ёт ат потыртэв!

Павел, осэ нуйхатим, опа палт усувлас:

— Опа...

Но опа, аквтоп ат вастэ, тох вархатас, аквтоп потыртан суй ат хулыстэ. Тав Татьяна лялът янгк самхульмаге ёли-пал-ныл сунсыс.

— Я-та, маньнэ, лавен.

Татьяна ласьялакве пунгке хосгыглас:

— Ат ваглум...

Серёга опа йиветыл юныгтас.

— Манарн ат вагын? Ам колынг хумыг хультсум, ань нанг ойка ат оньсегын. Хулилын? Хумус ам лавсум, та сир емти! Хозяйствонув акван олтунгкве эрегыт, а картанув халт олнэ яртпи хот-выглов. Хулилын?

Пыгрись торгамтастэ, Серёга опа ойка маныр магыс тыг-ёхтыс, такем тав кантмаявес. Насаки, тамле та олум опа! Хозяйство такви катаген вингкве тангхи! Серёга ёт ке олунгкве патэгын, аквтипыл метхумыг минэгын. Тав павыл янит вае, манхурип тав сякыр. Даниларись номтыт ос тарапаттим олэ-гыт: улпыл тастхатас, номси, опатэ матыс, молях сорумнпати,

а тав, Данила, кусяиг емти. Тав сартнув эсыгхатыс, Кулуканов-
ныл сёлынгнувек олунгкве пати.

Пыгрись кантынгысь сасге нупыл ангкватас, похын минач.

— Омакве, ул олтхатэн... Молях павылт колхоз емти,
колхозн сялтэв,—тав нэмат сака такысь ат лавыс.

Пуссын астал олсыт.

Серёга опа тарвитынгысь ери нёвумталыс, каквасас.

— Татьяна, я-хумус?

Пуссын тав нупылэ суссыт, тан латынг урсыт, олхта-
тунгкве ман ати. Тав ласьялакве лавыс, пунгке Павел люльнэ
ма нупыл хосувлалыстэ.

— Тав вагтэ... Тав ань кусяиг хультыс...

— М-маныр...—опа лилаяс.—Тэтал сюнгырлэгын!

Тав ёнгхыгпас, йиветыл ратим кон-квалыс. Данила ави
сопла похыт люлюмтас, сяхнияге акван тангыртасаге:

— Мен инг нанг ётын ловинтахтимен! Манхурип ком-
мунист!

Татьяна нохнув-люлис:

— Я-та-сар, нанг! Минэн аквпалн!..

Данила хохсатэ хот-салямастэ, матаре ломгим, ави эли-
палныл ёл-хайтыс.

Павел юил тав нупылэ сунсыс, китапастэ:

— Карта авит хонгха туман тагатас?

— Опамн товаргтавес,—Федя кантынгысь лавыс.—Тихо-
тал пасыл тав картатэ тара вос яласасув. Лави—акв хозяйство
оньсев.

Павел сэнгквын ёхтыгтавес:

— Ильпи вармаль! Ул вос номси! Ам туман всё равно
хот-ратилум!

Тав норманыл керсяк алмаяс, кон-квалапас.

Татьяна, мань Роман пыге такви палтэ синыгтим, ротыг
унлыс. Аман тав макыг тох варыс? Эрынгпыл, опаныл хозяй-
ствон олтхатунгкве эрыс? Эрынгпыл, павылт колхоз ат емти,
та кос колхоз урыл махум атхатнэныл порат сав ёмас вармаль
потырталвес. Манхурип колхоз емти? Хумус олунгкве? Акв
хотпан ман нявраман титтунгкве, мастунгкве ёрн хунь ёхти!

Пашка, соль, яныгманти, рупитангкве нёти, но тав инг пыгрись, мань. Ах, Пашка, Пашка!..

Илттыг тав хунтамластэ. Палыг-пунсим авиныйл атырхарпа сатамныйл суинг суй суйтмыгтас. Тав алпитэ полямыг емтыс, торгунгкве патыс, тав нох-люлюмтас, люсьнэ Роман ёл-унттыстэ, ави эли-палн кон-нэглапас.

Яртпи похыт Данила хот-воратан Павел ратыстэ.

— Ёл-пойтэн! — тав ронгхувлас. — Ёл-пойтэн, хомыл хола!

Тав сарайн лайхатас, тавен ат хунтлан, торгын катагетыл хоса сир алмаяс.

Данила пыгрись тартыстэ, яртпин нох-хангхыс.

— Ам тах нанг пионерн ос ти сирыл хунь кивтилум... —

Тав лавунгкве ат алимас, мот палн порыгмас.

Сир кумратим яртпин хояс.

Глава VII.

ОСЬХУЛИНГ ПИСЬМО.

Таквси хольт хапгат, халит восьрамыг емтунгкве патсыт. Касынг алпыл нэмат сака хосат олнэ нярныл павылыл войкан сяхлынг, вата лекарь пун хурип сэнгкв хартхатыглас. Тав ласьялакве, ат ваим иснасыт тара минач, янгысь, хунь хотал мосьнуб регылттанэтэ порат, хоса кон ёнгхыс, регынгыг емтнэ воздух хосит тарамлас.

Аквнакт тамле алпыл Герасимовкан хасьтал-мат матум эква ёхтыс. Тав карыс, сакум олыс, пес сальн манигтахтам, тав ма ост тарамлан сэнгквын лап-хартим яртпи похыт минач. Ампыт савынгысь тав ляльтэ хортсыт. Товнакт тав хотимат-мат карта авит ёл-пойтсас, суветыл партытн ратыс, нянь ломтыл майлиमतэ порат, хоса перна пинтлас.

Тамле сака люль вармалит тав ёхтуме пасыл ат ке олыглангкве патсыт, нэмхоттютьн тав самн ат паттынуве.

Китхойплов сёс порат хоталъят порат нэпак ловинтан колт пионерский драмкружок репетиция варунгкве лавхатсыт. Пионерыт Зоя Александровна ёрыл ханисьятахтунгкве овылтах-

тын поран нэмат сака янит пьеса сёпитасыт. Ти пьеса Павел такви номтыл хансытэ. Овлэт сценат Яков нэпакныл варим тусынг тагыл нэглис. Тав, саким, хутим, суснэ махмыт эли-палт ёл-унтыс, салиг потыртас, хумус тав, матум метхум, кулакытн сяр сяма саватавес. Хунь тав пунгке катаген ёл-тартыстэ, тав палтэ ти торыг „метхум“ Василий Слесарев аквта хурип нэпакынг тусынг тагыл ёхтыс, ти осься турыл потыртан пыгрись. Тав Яков вангнэт юныгталыстэ ос лавыглас, тэн хурипатэн хотпатн, топ акв лёнгх палыг-хои — колхозн сятунгкве.

Илттыг осынг „кулакыт“ нэглисыт (кулакыг мань няврамыт олсыт, тан тулыглахтасыт, яныг няврамыт пуссын кулакыт ёнгунгкве сяр хот-касасясыт, ат тахсыт). Суп кивырт туйтим осма хурганыл пувим, тан „метхумыт“ лялт минунгкве патсыт ос эрыгрись эргысыт. Ти эрыг Потупчик Мотян варвес:

Ман палтув нан рупитэгын,
Ман колхозн нанан ат тартянув!

„Кулакыт“ вильтаныл пилисьмангыт олсыт, пангкыл сарти-мат. Тан танки эрганыл такем кантынгысь эргысаныл, мот кол самт унлын агирисит та кос васаныл, хумус ти тулыглахтын вармалъ холи, тан пилисьманыл астал патыгласыт.

Юи-овылт „рабочиит“ сценат выгыр флагынг тагыл нэглаласыт, Павел тан эли-паланылт пунгк хумыг ёммыс, „кулакыт“ выгыр тор касаланэныл порат рохтим похын оигласыт. А „метхумыт“ „рабочиит“ синыйтасаныл ос пуссын аквьёт эргысыт:

Ман колхозн минэв, минэв.
Сягтынг олупсан ёхтэв!

Тан, улпыл, нётнэг эргунгкве тахсыт, та кос Мотя лавсас, тан „кулакытныл“ туп-туп ёмсяквнуд эргысыт.

Манхурипаг тав вос кос олыс, репетиция ёмсякве йис, Зоя Александровна утрянникн пуссын герасимовский нуса махум, котлярткем хумыт вовунгкве лавсас.

— Соль!—Павел мустим лавыс.—Эрынг, колхозн хотимат хотпа сялти.

Спектаклит матахмат саковцыт ёнгысыт. Пётр юртехумыт хосат танки выгыр пунгкуп пунгкютнэ хуманылныл похын миначыт, ань тав товнакт кон нэглалалыс. Товнакт пионерыт таве таккетэ ос марсюмлим элыл касалаласаныл. Касынг емт тав сяхниягетыл пилуптахтыс ос аквти сёс хотталь тахыглас. Тан номсысыт,—„пили“.

Ти хотал юиовыл репетиция олунгкве эрыс. Но китхойплов сёсн топ ханисътан нэ, Павел ос Мотя ёхтысыт. Ти ат васинтаттал люль дисциплина олыс. Тан сёскем татыл нэпак ловинтан колт урхатсыт.

Юи-овылт ат торгамтаттал Зоя Александровна лавыс:

— Нэн, няврамыг, тарапаттэлын та вармаль, а ам ти сис мирколт стенгазета тартунгкве патэгум.

— Тан, улпыл, пуссын оссамыг емтсыт!—Павел кантынгысь лягалас.—Мотя, Яшка палт минимен.

Павел Яков кол похыт кисгыс: кит сёс кисувлалыс, акв сёс хоса кисгыс. Яков аквти сёс иснасна нэглапас. Но тав самаге такем рохтумыг олсыг, тав салиг олыс, Мотя Павел нупыл восгасас:

— Улпыл, агмыл емтыс.

Яков катагетыл матыр-та сусылти, тэн торгамтастэн, тэн тэпканн, сарай сайн минунгкве лававег.

— Маныр сир тамле осхуль вармаль,—Павел кантлим лавыс.—Урхатэн-сар нанг, Мотя яртпи ултта ул воратэн. Тит ман палтув акв парт хот-лаквыгли.

Минута холам юи-палт Яков сарай сайн ёхтыс.

— Няврамыт,—тав аквтоп виноватыиг олме хольт овылтахтыс,—ам сянюмн ат тартвесум.

Павел, тав нупылэ ат сунсим, пунгке нёвумтас:

— Ул лаплахтэн! Акваг тарталавесын!..

— Тит-ти-я, сунсэн, сохрипт маныр тав хонтыс.

Яков тангрим нэпак тактапас. Ти клетканг тетрадь нэпак лопыс олыс, топ тыгле-тувле яласан букватыл хансим олыс:

„Ялпынг торум ась, торум пыг ос ялпынг лили ёмсякв олнэныл магыс ялпынг уст Иерусалимт торум тур суй суйтыс, и торум лавыс: хонгха колхозн мини ке, таин воссыг лилингыг ат олунгкве. Письмо сат сёс хансэлн ос та колынг махман маелн. Аминь!“

* * *

— Омам ловинтастэ, люньсюнгкве патыс,— Яков лавыс,— а аумн лавыс, пионерыг похын ат ке арыгтэгум, ам пунгкум хот-манумтитэ. А тувыл лавыс, ам сат сёс ти письмо вос хансыслум...

— Я-та, ос нанг хумус?

— Хансысанум,— Яков лилаяс.

Павел кантынгысь ангкватас:

— Манрыг?

— А соль... ке? — Яков тур суге туп суйтыс.

— Оссам!

Мотя ласьялакве ронгхувлас:

— Яша! Мак пионерыг ман торумн агтэгыт? Ти топ культура ат осьнэн магыс тох варегын.

Яша нёлэ катыл сартумтастэ.

— А омам-тай алхати... Молхотал та колынг махманув палт ялыс, тот аквти хурипа нэпакыт хонтвесыт.

Илттыг Мотя катаге киттыг утыгпалыс:

— Ой! Ти нуса эква! Соль! Ам амки васлум, хумус тав Ступак палт тэнут вовыс ос матырфир ут сохрипн лис. Ам тонт номсысум: „А манаре тав пахвти?“

Павел, торгамтим, астал люлис, вониртахтыс.

— Нэпак ловинтан колн минэв-сар. Номсунгкве эри, маныр варунгкве.— Тав лилаим мувлахи сунсыглахтыс.— Эх, таве пувунгкве эрыс кос! А ань хара мат вот кинсэлн.

Хотал палитэт ротамтал олыс. Нэпак ловинтан кол элипалт Пётр Саков унлыс. Павел тав выгырхарпа пунгке элыл касаластэ, тав сэнгквын ёхтувес.

Мотя таве тайтыг пувыстэ:

— Паша! Ат эри!..

— Минэн аквпалн! — Тав катэ аквти сёс хот-хасумтастэ.—
Аквтипыл алхатунгкве патимен. Ам таве тах сар!

Павел, ат нёнгхыглим, нэпак ловинтан кол палт ёхтыс.
Яков тав похет ёмыс, восгыс:

— Пашк, а нанг ул пилэн... Матыр ке емтыс, ам нё-
тэгум...

Но тэн атпыл алхатсыг. Пётр Саков ляльтэ атпыл нох-
люлис. Тав аквта сирыл ави эли-палт энгнэ катпаттан пиним
унлыс, Павел илттыг самынпаттыстэ, тав самаге нэмат канты-
нгыг атимыг, тав салиг ос эссамтим сунси. Ти Пётр Саков
хурип атим олыс, Павел ат торгамтим ёл-люлюмтас.

Тэн астал олсыг.

— Я-та,— Павел лилаяс,— нанг манарн унлэгын? — Но тав
канынгысь ат лавыс.

Пётр Саков астал унлыс:

— Я-та?

Пётр выгырхарп пунгке хосувлалыс ос ласьялакве лавыс:

— Нан аном элмхоласыг ат ловинтилын, а ам...— Тав
таглыс, Павел илттыг касалас, тав самагет люньсь вит нэглис.

Пётр кат овлэт самаге хот-сэгсаге, нёлэ хот-посыс, нох-
нув-люлис.

— Нанг нэпакыт урыл вагын ман ати?

— А маныр? — Павел урхатас, тав маныр элаль лави.

— Ти нэпакыт ам аквум Кулуканов ёт хассанэн.

Павел Пётр нупыл яныг самыл сунсыс.

— Уркегын!

— Макыг лавегум... Тит матум эква яласас, тэн таве тох
нэпакыт пахвтунгкве ханисьятастэн.

Павел усил варыс ос илттыг такысь куньгасас, Пётр сисэт
юныгталыстэ:

— Петька, юртехум! Ох, Петька!

Пётр Саков пилим акван сякыртахталыс.

— А нан аном пионерыг выглын-а?

— Я-та, манрыг ат выглов! — Павел Мотя элн люльнэ ма
нупыл ёнгхыгпас: — Зоя Александровна палт минэв! Хулилын?
Ань ти ат ванэ письмо урыл стенгазетан хансэв.

Глава VIII.

НАЙ ПАЛТ.

Усьлахтын хотал ляпат няврамыт няслунгкве турн мина-
сыт. Холи ёт сопасласыт ос регынг маснут висыт: тур ватат
хулунгкве лавхатсыт.

Тур мус матахкем километр олыс. Лёнгх хосит минима-
ныл, агирисит эрыг эргысыт, йивыт халт хайтыгтасыт, лэнгныт
пилуптасыт, халанылт роххатсыт. Тан хулуптал, нястал йисыт,
тан ман агирисит хул алисьлан хотпаг таегыт? Тан таи магыс
ёт войвесыт, най вос уральтасыт ос исмит вос пайтсыт.

Мотя топ таккетэ вангнэт няс тотыс. Тав — аквтоп пыгрись,
писалил патлуптангкве хаси: асен ханисътавес.

Ёмас хотал олыс. Хотал ань мось котарахтыс, но аквта
хольт ёмсякве постыс, вор нуми-палт хоталалыс, йивыт халт
ос сяхылн ёл-паттим йивыт халт постыс, посынг салмытыл,
ломтытыл ман патыглас, хара ма ломтытт вольгыс.

Павел ос Мотя няврамыт юи-палт йисыг, матарен ляга-
ласыг. Яков овлэт кантлас, таве ат вовсаныл, тувыл няврамыт
халн сялтапас, няврамыт ёт восыгхатыс. Мувинтим пес тарыг
похыт ёл-люльсыт ос илттыг эргунгкве патсыт:

Тили-тили равтим колас,
Нэ тотнэ хум ос маньнэ!
Тили-тили, равтнэ колас,
Нэ тотнэ хум ос маньнэ!

Агирисит ёхтыгпасыт, мувинтангкве патсыт. Мотя пить-
мияге торгунгкве патсыг.

— Оссамыт! Нангки нэ тотнэ хумыт! — Тав люньсюнгкве
патыс, юв-минунгкве сёпитахтыс.

Агирисит, мувинталим, таве поиксянгкве патсыт:

— Мотя, тан нас тох мувинтэгыт, каегыт...

Мотя люньсис:

— Тан номсэгыт, аквёет миннэмен магыс... нэ тэтнэ хум
ос маньнэ... Оссамыт! Пионерытн пуссын... румангысь олу-
нгкве эри.

Тав юв ат минас.

Павел осэ выгрыг емтыс, тав Яков ляпан йис:

— Ти нанг тох номылматсын?

— Ам ман-на...

— Уркегын, нанг! Сиплувт ратилум тах, та порат вангкве патилын!

Тав нэмат сака кантынгысь тии лавыс. Тавен таквинатэн пумась олыс.

— А нанг самсайт потыртэгын, юртанылныл хот-туйтэгын?

— Оссам, нанг ваглын ман ати, тав маныр урыл потыртас?

— Маныр урыл?

— Нанг оссамыг олнэн магыс, намыл ат лавегум.— Тав номсыс от нётумтас:— Турн ёхтэв, та порат лавегум...

Яков акваг вангкве тангхыс. Но атпыл сусылтахтыс, аквтоп ти урыл ат номсыс, тур мус Пашка похыт кисгыглим, каим ёмыс,—винатэ (овылн патум вармале) парыслангкве тангхыс. Но хунь турн ёхтысыт, Павел нэматыр ат лавсас, улпыл ёру-властэ. Хапыл хоталь рови, тувле миныгласыт, хул алисьласыт, пувлысыт.

Турт вит полям, систам. Ёмсякве сунсунгкве ке патэгын, ливинг паттатэ, нярпум оспа пахвынг вит пумыт, тур луптат касалэгын, хап ёли-палт уигтан мань хулыт сяхыл салгын холът воляталэгыт.

Ти турн сав сир вор павлытныл сав хул алисьлан хумыт ёхталэгыт. Тур ватат эти наит тэгыт, аквтоп яныг цыганский табор атхатас. Тур яныг, ма товылхати.

Пыгрисит, исмит урим, найт тослахтасыт, эсыгхатсыт, хонгха мансавит хул алас. Та найныл хотимат хотпа тыг-ёхтыс.

— Эй, пионерыт!— Данила тур суй ханьсисаныл.— Хул алисьлэгын-а?

Яков ат тангхим лавыс:

— Алисьлэв...

Данила посынг ман минас. Тав мань самагет пионерыт нупыл сунсыс, секунда сис Павел нупыл сунсыс, тувыл мот нупыл ангкватас.

— Я-я, хул алисьлэн,—тав, куньгим, курткатэ вангнэт сёпитастэ, ласьлакве похын минас.

— Тит тотыглаве!—Яков ломгыглас.—Тав касынг емт мувинти.

— Агирисит,—вильтэт сэмыл раксыт осьнэ агирись лавыс,—а нан васлын-а, тав манхурип суп оньсяс?

— Манхурипа?

— Кулуканов суп! Маглэт нярпумоспа сэтапыл юнтсалима... Ей-ей! Ам номылматаслум, хумус Кулуканов масим оньсястэ.

— Улпыл, тавен муйлуптастэ,—Мотя лавыс.—Хотмус-тай тав ватихал Кулуканов палт муй хумыг яланти. Паш, Серёга опан тав палтэ ос яланти, ам васлум.

— Я-та вос яланти!—Павел кантынгысь вархатас.—Та нэпак тыг-маелн-сар.

Мотя септ кисхатас, манигтим нэпак лопыс тактыс. Тав, ат сунсим, вистэ.

— Тавен,—Павел Мотя нупыл хултыс,—ти хотал тав мир-колт списокыл майвес, хонгха нянь план товылттангкве ат тангхи. Тав ануми ворт потыртас... Ти. А нан, оссамыт, эргалтахтасын! Яшка, нанг холитан нэпак ловинтан колт объ-явленийет хансунгкве патэнын.

— Манырсир объявленийет?

Павел нэпак лопыс палыг-тарамтастэ.

— Тит сартын Кулуканов хансим оли. Нанг хансэнын: „Тит нянь сякыртан хум Кулуканов оли“. Пес газета выгын ос чернилал хансилын.

— Чернилал хунь, а чернилатыл,—Клава Ступак лавыс.—Зоя Александровна мансавит сёс лавсас!

— Я-та, вос чернилатыл... А тувыл Кулуканов карта авин ханлилув. Пуссын вос ваве.

— Такем-та! А аман ат ратавев?

— А нанг ул пилэн. Тит мосься—ат хотпа.—Тав списокн анкваталыс, илттыг тагматас, сёпритэ катыл новыглас.—Тит, няврамыт, акв нам оли... Яшка, хулилын? Китит объ-явление тох тах хансилын: „Тит нянь сякыртан хум Ступак оли“...

Пуссын Клава нупыл анкватасыт. Клава самаге молях-молях рапысьтангкве патсыг, сам витанэ кон-нэглисыт, пайтаге хосит ёлаль овумласыт.

— Ат тангхегум... ат тангхегум... Ти ам аким...

Няврамыт халанылт сунсыглахтасыт. Мотя ат артмим суйтал мат лавыс:

— Манаре ос орвинти? Паша асе ти сусылтастэ, тав манырхипа олыс, а нанг...

Павел, Мотя нупыл кантынгысь сунсим, илттыг нох-люлюмтас, самхульме нуми-палт раксэ хасумтахтыглас.

— Оссам!— тав ронгхувлас, но тур суге илттыг саквалас и торгунгкве патыс:— Нан манрыг акваг лавегын— ась, ась...

Тав ёнгхыгпас, пумыт хорыстим, турман ман минас. Вит ватат урн ёл-поварттахтыс, курткал манигтахтыс.

Суйтал Яков тав похен ёхтыс.

— Пашк...

— Ул новхатэн!

Яков санспунгкаген унтыс.

— Давай Ступак урыл ат хансэв.

— Ам ман тэлам тот оли?

— А то Клава люньси. Тав лави— акитэ такви нянь мингкве поикситэ. Ёмас?

— Ёмас...

Яков астал олыс.

— Пашк, исмит аюнгкве минимен.

— Ат тангхегум. Ам хоюнгкве патэгум.

Яков най палт ёхтыс. Павел хоса ёнгхатахтыглас, совыт нупыл сунсыс. Тур палныл сэмылхарпа сэнгкв йис, ватихал сэмыл витт суингысь хулыт сангхасалсыт.

Ворт нэматыр суй атим олыс, ховт тал атыл паси. Товнакт паль мат матыр хорысталын ман элыл улмынг мансин хопгын суй суйтыгли: кга-га... Тии суйти, тувыл ильпииг суйтал пати.

Павел саким, агумныл ос посимныл эт котилът нох-рохтыс. Тав сиплуге ёли-палн хоттыют наинг йив магумтам. Рохтим нох-люлюмтас, котарим матэ пувыс ос Данила касалас.

Вор нуми-палт осься этпос олыс, тав восьраам посэт пыгрись мувинтан сасге вильт касалас. Тавагт сасге манрыг мувинтас, тувыл тув-пойтыгпас.

— Я-та, маныр, регынг? — саквалим турыл Данила китыглахтыс, илттыг аквти сёс Павел турет пувумтастэ, турн паттыстэ.

Пыгрись нум-палт нох-сякыртахтим вит атпыл хулыстэ, вит полям ман атим. Тав топ тарвитынг, кер тулёвлыт турет хулыс, таквинатэ ат хулунгкве патыстэ, тав инг сёмтал катагет хот-воратангкве емталас.

Но илттыг тулёвлыт танки ёрталыг емтсыт, таве хот-тартсыт. Павел витныл паг-квалапас, тара ат торгамтастэ, маныр тав мувлахитэ олыс. Вит хумпыг варвес, сав персин хотпатныл вит равтхатас. Няврамыт тав лилитэ нэгылттангкве лайхатсыт, ань тан Данила пувсаныл. Павел похыт Мотя энтап ёре пасит витт люлис, катаге хосгим матаре ронгхыс. Тувыл тав Данила атытн пувумтахтам Яков касалас.

— Тартахтэн,— Данила саквалам турыл ронгхыс,— ам нас ёнгысум... Я-та, тартахтэн!..

Тав ат тартувес.

— Тартахтэн... вит полям...

Тав харыглан най палт ванттувес. Илттыг тав манумтахтыс, тэнэ най ултта порыгмас, ат сунсыглахтим, хайталтахтыс.

Алпыл мус воссыг нэмхотгыют ат хояс.

Глава IX.

ИСХОРЫТ ОПА КАРТА КИВЫРТ.

Серёга опа постыглам порат квалыс — матум ойкат мосься хоегыт. Карта янит яласас, сунсыглахтыс, аман пуссын ёмас, сарайныл нох-сайкалам сиськурек экват кон-тартыс.

Тувыл, саким, Ксения сясеква кон-квалыс, осься турыл ронгхыс:

— Цы-ып, цып, цып, цып, цып!..

Опа элыл сунсыс, хумус нянь самыт нахвегыт, аквьёт

нёланыл хоплалтияныл. Илттыг тав тусанэ нёвумтасанэ, лагыл нёл тальхагетыл товлынг уит палт лаквхатас, хайталтам янгк похуп сиськурек нэ сайтыл хосувластэ.

— Хола!

Товлынг уит ронгхим, хорыстим, сав нупыл тиламлалсыт, та янит суй варсыт.

Опа янгк похуп сиськурек эква юи-палт нявылхатыс, сови лаглагет поргыс, осься турыл ронгхыс:

— Матум, Потупчик сиськурек эква ос титтилын! Ам тах таве, нэматрыг ат ровнэ ут, исмитн петилум!

Сиськурек, суингысь хопгим, тэпканн исапас, картофель луптат сяхыл халт тыгле-тувле хайтыгтас.

Опа, такысь лилтим, ёл-люлис: тэпкан хосит тав ляльтэ хотпа йис. Тав карыс атим олыс, вангнын-тэпынг, пунгкатанэ сюлитимат, такви порсын перыглим сопакагет картофель луптат ултта урхатим ёмыс.

Опа вильтэныл регвит катпаттал хот-осувластэ, молямлим маньсупен сэгумтастэ, катэ элмхолас палт тактапастэ:

— Арсений Игнатъевич, пася олэн!

— Пустагыл вос олсын...— Кулуканов тур суге осын- олыс, роттыг потыртас, но самаге сусхатсыг, аквтоп матыр емтыс, тальхын- г тусуп пангхын- г вильтэ хот- нуйхатам, аман мосься хойнэтэ магыс ман усьнэтэ магыс.

— Арсений Игнатъевич, манрыг нанг тох сака алпыл нох-квалсын?

— Серёга, вармалъ ам оньсегум. Юв-минимен.

Кол кивырн юв-сялтсыг. Кулуканов сясеква нупыл ангквалталыс, пунгке хосувлалыс, кентэ хот-ангхыс, няр пунгке пернал пиныстэ. Кол самн унтыс, тав эли-палэт йив тормыт ханасыт, тормыт сайт нялит, вилкат кональ нэглим олсыт; ти тормыт хосаттагыл искап паттииг олсыт.

— Данила, тыг-вовелн.

Данила инг улмын ювес, хоса усинтас.

— Унтэн.— Муй хум молямтахттал мань пальтатэныл газета нэпак лопыс кон-лэватас, тот черниланг букват лаква-посхатмыт.— Сунсэн— ань усьти карта авиныл хот-хусатаслум...

Астал олсыт. Сясеква атырхарпа букват нупыл сунсыс, нэматыр ат торгамтас, пунгке хосгыс. Тав пуссын нилюнгкве ат алимам картопканэ похыт люлис, қатэт яныг вангкаринг касай пувыс. Касай элмит янгкыг консим мат нангксыт — ти ахвтасн кивтим ёрыт.

— Нянь сякыртан хум! — Кулуканов нэпак пулиг-тангры-стэ, похын листэ. — Хотимат порат Трофим ёхталас, пойкыс: „Ам пыгум пернанг асиг олэн“. Перна пинунгкве лавхатас. Та порат вос васлум, амки катагумтыл ялпынг уйрись поп анит витн нарыгтанувлум!

Данила туп суйтим лавыс:

— Витн нарыгтангкве хоса хунь...

Муй хум тамлег вархатас, аквтоп ти латнгыт ат хулыг-ласанэ, ос элаль суйтал потыртас:

— Силин палт ма кивырн хилим нянит хонтвесыт, а Шит-раков палт писалит хонтвесыт. Тав няр ломтынг утанэ ёт ма-ныр варыс... Стенгазетат манав люльн паттыстэ.

Кулуканов пайтэ торгунгкве патыс, тав катыл таве новыг-ластэ.

— Ам нанг палтын нётмил магыс ёхтысум... Нётэгын?

Опа нёвсалтахтыс:

— Арсений Игнатъевич, манарыл ам нангын нётэгум.

— Хунтлэн... Молях ам палтум ёхтэгыт, пормасанум кол-хозн вивет... — Тав илтгыт нох-люлис, питьмяге акван тов-мим, суингысь нёлэ тара лилтунгкве патыс. — Хомлытн ат мыга-нум! Нэматыр ат мыгум! Лучше найн титтиянум! Нянянум ат мыганум! Серёга, нэн Данилкал тихотал сарайт вонгха хилэн. Ситамыл... А эти коласыт тыг-хартиянув, ман хилиянув. Нан палтын кисхатунгкве ат патэгыт.

Тав тарвитынгысь уласн ёл-тартахтас, мосьнун унлыс, лавыс:

— Серёга, тии магыс нангын нянянум хурмит пал, нангын мыглум.

...Павел эти Роман люньсь суйныл нох-рохтыс. Усюм сяне пасан похыт такысь хояс — ат хулыстэ. Павел кур аланыл ёл-порыгмас, нёсыртахтыглас: котарим сёпритэ илямталвес (сянен ти урыл ат лавкас — сяне ул вос номсыс).

Нох-сайкалам Роман йив койкат унлыс, Павел тав похен унтыс, апситэ лэпсал лап-пантыстэ, номсыс: „Ромка такем-та яныгмас! Ильпи койкал варунгкве эри“.

Тав тупнув нёвителистэ, эргунгкве патыс:

Нёвителиум, нёвителиум,
Сясеква хул магыс ми́нас,
Ома — супыт хулысьтангкве,
А ам — Рома ёл-поилттэгум...
Аа... Аа...

Апситэ ёл ат пойтыс. Павел кантмаимнув такысьнув эргалтахтыс:

Нёвителиум, нёвителиум,
Сясеква хул магыс ми́нас,
Ома — супыт хулысьтангкве,
А ам — атыт маныгтангкве!

Роман кол янитыл люньсялтахтыс.

Павелн апситэ салиг емтыс. Виноватыг тав койкатэ нумипалт хутувъяс:

— Романкве, я-та хоен... Я-та, апсикве, хоен...

Улмынг сянь нох-квалапас.

— Ох, ам петам! Нанг манрыг ат лавегын?

— Омакве, тав ёл ти ояве...

Роман тув-пойтыс, хунь сяне тав палтэ ёхтыс. Павел, усинтим, ёл-хоюнгкве ми́нас.

Федя курныл, лаглаге ёлалы тартим, иснаси кональ сунсыс.

— Нанг манарн сунсэгын?

— Сунсэн, тот-та маныр?

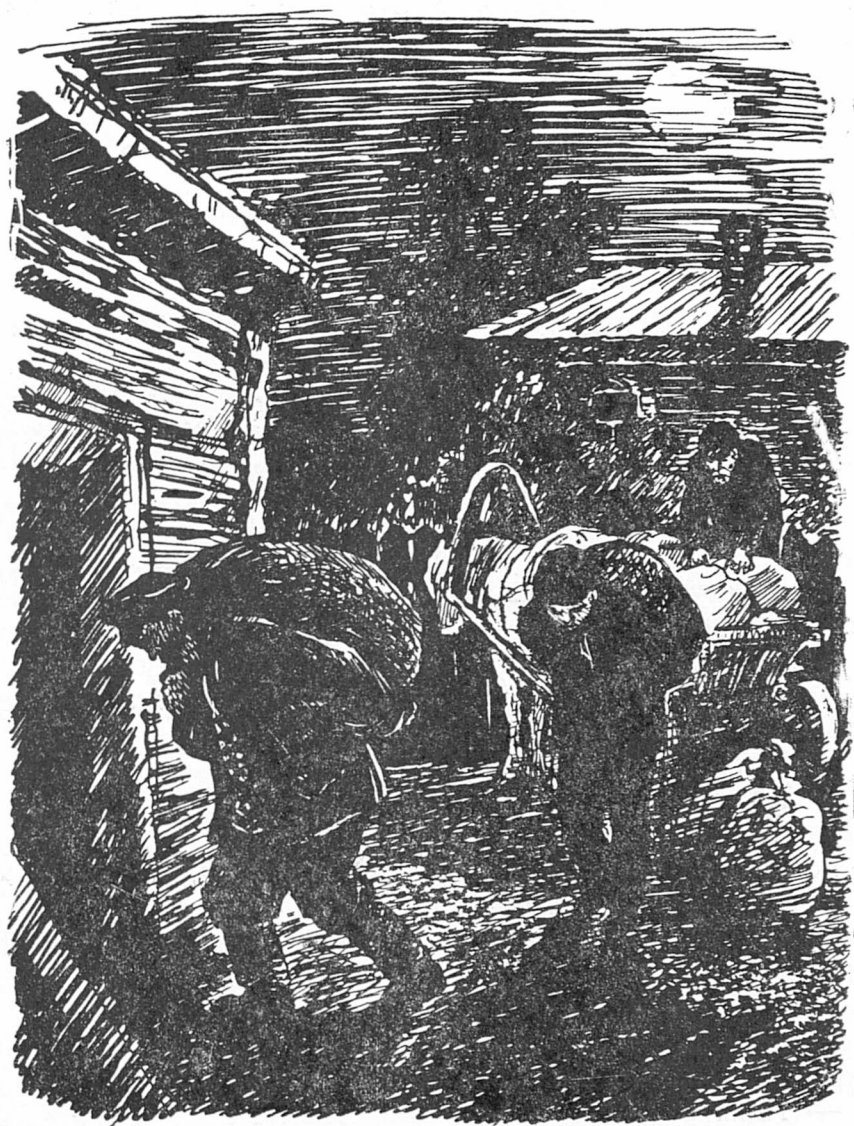
Карта нуми-палт восьрам этпос, ма тармыл тавеныл посынг салмыт патыглэгыт, сяр иснас эли-палт Серёга яртпи олыс. Яртпи та палт хотгыютмат исхорыт яласэгыт.

Павел авин патырматыс.

— Нанг ос хоталь? — сяне восгыс.

— Тыгыл ёхтэгум...

Суйтал ави эли-палныл ёл-вагыс, яртпи ас тара сунсыс.

Серёга опа картат лувыт тохырхатнэныл суйтэгыт. Хурум хотпа — Серёга опа, Данила, Кулуканов — сунныл таглэкв олнэ хургыт войлияныл, молямтахтим сарай кивырн тулыглияныл. Ксения сясеква карта авит маласьлахти, ави лап-магнэ йив та кос магитэ, нэматыр ат верми.

— Паш, ти Кулуканов лувыт,— Павел сис палэт восгын суй хули.

Ангватас — тав похет Федя лагыл нёл тальхагет нох-вархати.

— Манрыг нанг ёхтысын?

— Нанг хайтсын, ам ос нанг юи-палынт...

— Ладно, ладно, минэн хоюнгкве.

Федя хунтлас, минас. Павел ёмсякв сунсыглахти. А маныр тот тан варегыт? Колас сам вонгхан туйтэгыт. Опам та савит нянь пум хунь оньси. Ваим — ти Кулуканов колас сам. Маныр хомлыт! Сайлангкве тангхияныл.

Данила сарайныл татыл катагетыл ювле йис, ёл-люлис, аквтоп номси, ос илттыг яртпин порыгмас.

— Коммунист, сунсыглахтэгын! — Партыт кумыртим, тав яртпин нох-порыгмас.

Но Павел атим олыс.

Серёга опа, Кулуканов тув-тосим карта котилът, лаглаген киттыг тусьтим, люльсыг.

— Хотгъют? — опа ломги.

— Пашка!

Кулуканов унлы матэныл хот-квалапас, Серёга опа катт пувумти, торгалти. Тав тур суге хот-саквалам, тагли:

— Районныл уполномоченный ке ёхти, пилисьманг ати: такви ювле мини. А тит акваг нангки утан сунсавен! Нанг похынт! Тананылныл нэмхотталь ат туйтхатэгын!

Опа роттыг унли.

— Серёга, хулилын?

Опа ласьлакве, ёмсякве лави.

— Алилум!..

Пуссын астал олэгыт. Тот Ксения сясеква матаре ломгыс ос перна пиныс. Кулуканов Данила палт хутыс:

— Ам нангын майласум... ос мыглум... Таве карвальтангкве эри... и олме паситэ та!

...Хотыл мир колныл комиссия опа карта кивырт кисхатас. Потупчик пунгк хумыг олыс. Тан нянь самыт хонтсаныл. Сарай кивырт и кулукановский сун хонтсаныл.

Глава X.

1932 ТАЛ 3 СЕНТЯБРЬ ХОТАЛ ПОРАТ.

Нярт сангвли пилыт поссыт. Герасимовка няврамыт аквап и анял нярн ялантасыт, пайпаныл таглэкс ватим юв-эхталасыт. Такем-та сав пил тэсинтасыт, пунгканыл агмыл ёмталасыт.

Павел и Федя хоталъят порат пил ватунгкве астлахтасыг. Овлэт тэн Яков палт сялтсасыг.

Тав юн атим олыс. Тувыл Потупчик колн ангкваталсыг, Мотя койкат хояс, сакыс.

— Я-та, нанг манарн хумле емтыс?

— Соргум агмынг,— тав тистим лавыс,— сангвли пил сака сав тэсум...

— А нанг та савит манрыг тэгын,— Павел куньгыглас.

— Тав сака атынг, саккар ёт.

Тав катэ хосувлалыс.

— Федя, менккемен минимен-а?

— Минимен!— апситэ сягтыс.— Юн топ хурыг выгмен.

Кон квалсыг. Павелн кас олыс, тав Федя нупыл лавыс:

— Апсикве, хайтимен, хонгхамен эла-пати?

Федя тав нупылэ ангкватас:

— Всё равно нанг аномныл сартын патэгын.

— А нанг арталахтэн-сар!

Тав намыл тох варыс, апситэ сартын вос патыс, Федя, сягтим, карта кивырн сялтапас.

— Омакве, ам таве юил хультуптаслум! Хурыг маен.

Ома торгамтим Павел нупыл саме хонюмталыстэ.

— Федякве, нанг такем молях яласангкве патсын! Няврамыг, хоса турманлан мус ул яласэн.

— Мен Тонкий Гривкан минимен,— Павел нас мувинталыс,— аквмен палт эт хулимен.

— Ам тах нэнан миниягум!— тав тулёвлэт пилуптахтыглас.

Таквси хольт йивыт халаныл харагнув емтсыт. Воздухт ярмак нимсареква патас ёнгхыс.

...Лилитэ тув-марум Данила колн опатэ палт ёхтыгпас:

— Няри минас... Сангквили пил ватунгкве...

Опа кол хосит молямтахтим, матаре ломгим, тыгле-тувле яласас. Тувыл ёл-пойтыгпас, аквтоп вагталпатыс.

— Данила,— тав ласьялакве лавыс,— таве тыг-маелн...

— Хотгьют?— аквта сирыл Данила ласьялакве китыглахтыс.

— Касай.

Данила касай тормыт сисныл хоса кон-лэватангкве ат вермыстэ: катаге торгысыг. Юи-овылт кон-хасумтастэ. Опа сэнгквын ёхтувес, катагетыл хосгыс, кантынгысь ронгхувлас:

— Ти-и хунь! Мотан, яныг, енгта элмип касай!

Ат урхатас, такви касай тормыт сайныл алмаястэ.

— Та, воелн.

Данила пунгканэ лясгысыт.

— Тав... таккетэ ат минас...

— Хотгьют ёт?

— Федякве ёт. Тав тах лави...

Опа торгасалыс.

— Сас! Я-та, минэн-сар! Ам пыг, манари люлегын?!
Пойтэн! Ам нанг ётын минэгум...

Ксения сясеква тэн миам лёнгхен нупыл сунсыс, перна пиныс.

...Вагталпатум пыгрисиг ювле йисыг. Федя лёнгх палит сав сир урыл потыртас. Павел, номсим, йис, тэлыглим ювле лавсас.

— Паш, а хонгха сака молях хайти, хайтнут ман совыр?

— Улпыл, хайтнут моляхнув.

— Паш, а нанг хунь пионерский галстукыл мивен?

— Зоя Александровна ти тал тотунгкве лавсас.

Халит тэлнэ мат, хара ма ломтыт, тэн илттыг Се-
рёга опа ос Данила касаласыг. Павел ласьялаквнуд минунгкве
патыс.

— Паш... Данила алхатунгкве ат пати-и? — Федя, мори
номсим, китыглахтыс.

— Опамен ёт пили.— Павел элаль сунсыс.— А нанг юилнуд
йиен, ловахкем усилн ювнуд-хультуптахтэн.

Тав ласьялаквнуд матум ойка ляпан йиантас.

— Апыг, пил ватсын-а? — Опарись тур суге осься, каминьт.

— Ага.

— Я-та-сар, сунсылтэн... Товли опан нупыл кантланг-
кве...

Павел сьгтим куньгунгкве патыс, хурыг вангнэныл хот-
ангхвыстэ.

— Опакве, ам ман нанг нуплын хунь кантлэгум... Сунсэн,
ман хурипа сангквли дил. Янгыт!

Тав хурыг палыг-пунсыстэ, самаге опарисе нупыл нох-
алмысаге, похын нёвумтас: матум ойка сэмылхарп вильтэ кан-
тынг олыс, сови нёсыртима.

— Опакве, катум тартэлн... Агмынг!

Пыгрись тит опатэ мот катт касай касалас, манумтахтыс,
ронгхувлас:

— Федя, апсикве, хайтэн, оен! Апсикве, оен!..

Данила хурум сёс порыгмалыс, Федя юил ёхтыстэ.

Хурмит хотал павыл махум пуссын ворн ягпыгыг кин-
сунгкве миансыт. Акван варактахтим, нирсяхлытыл, талытыл
суй варим миансыт, ёл-ротмалтахттал халанылт роххаты-
гласыт.

Восьрамхарпа, таквси ворт нэматыр суй ат суйтыс, та-
тыла олыс.

Мотя луптаныл ёл-патыглан хапга йивыт халт, пелялахтын
ховтыт тара хайтыс, лаглаге хорыстан луптатн ёл-сьялтсасыг.
Тав похет пунынг Кусака сулинти.

— Кисхатэн, Кусака, кисхатэн...

Амп лэге хосги, отыглахтын самагет агирись нупыл сунси.

Тав секунда сисн ёл-люлюмтали, сунсыглахти, тосам пить-мияге нёланти ос ильпийг хайти, хайти... Тав ман палит хайти? Сёс? Кит сёс?

Ати, тэн нэматыр накн ат патсыг. Тэн Тонкий Гривкат аквен палт олэг.

Но манрыг оमतэн лави, тэн тот атимыг?

— Кисхатэн, Кусака, кисхатэн!

Кусака атим олыс. Амп хот оли?

Амп такысь хортнэ суй суйтмыгтас. Та хортныл, нангкхати, симын пугын маныл ёл-пойти, аквтоп янитынт полям витыл сосантавен.

Тав ти пилисьманг хорт суй торыг, лилитэ тув-марим хайти, нирсяхлыт киттыг утыгпи. Тит-ти-я... Хурыг, пиланэ кон-сосимат. Восьрам луптат палт келп олыс. Павел катаге киттыг пиним тот хояс.

Мось элннув мань Федя, талытн вильтэтыл ёл-хилхатим, хояс.

Мотя ти маныл, пунгке хони вуськасим, хот-квалапас. Палыг-пунсим суп асныл хоса сакнэ ронгх суй суйтмыгтас:

— А-а-а...

Воссыг тав нэматыр ат номыс, аквтоп посимт. Нэматыр ат нангкыс. Тав ат вастэ, ат хулыгластэ, хумус алим няврамыг ворныл юв-тотвесыг, хумус сельсоветн ёл-яртхатнэ Данила ванттувес, хумус Данила Кулуканов, опарисе урыл таглим матаре-та ломгыс.

Тувыл лилитэ лап-марнэ выгыр тусуп Василий Потупчик осэ хот-нуомтахтам Кулуканов сельсоветн харттас.

Кулуканов, тав, торгын катагетыл пальтатэ хасумталим, Данила ос опарись нупыл кантынгысь сунсим, ласьлакве лягалас:

— Ти сир хунь эрыс варунгкве... Нярт колода ёли-палн магунгкве эрсыг... та порат и лувыт хулахн ат хонт-нует!

Глава XI.

ОМА ПАЛТ.

Вор, павыл лап-туйвесыг.

Вот сохрип ави хосгыс, сихыртас, кур турт сивгыс. Татьяна ти суй атпыл хулыстэ. Хойнэ мат ёнгхатахтыглас, мори потыртас:

— Няврамагум... Паша... Федя...

Тав хойнэ матэ похыт акв юи-палт та колынг нэт дежуритасыт, Роман уральтасыт. Кол кивырт регынгнув олыс, тэрпи атыл пасыс.

Хотмус-тай Татьяна самаге палыг-пуссаге. Тав похет хотимат хотпа люлис, таве уральталыс, лэпсал лэпсалалыстэ. Тав ласьялакве таве похын утыгпастэ, китыглахтыс:

— Хоти этпос?

— Декабрь.

Тав пунгке нохнув-алмыстэ:

— А таит... хоталь тотвесыт?

— Тан воссыг атимыт...

Татьяна нох-квалыс, колкан хосит минас. Роман сакантим хояс.

Тав иснас похын ёхтыс, кон сатамт туйт атырлалыс. Мось иснасныл похытнув люлинг кол унлыс, хорамынг карта ави оньсяс. Тот Кулуканов олыс. Татьяна нёвумттал самагетыл ави нуми-палт олнэ выгыр вывескан сунсыс, слог сирыл ловинтас: „Морозов ягпыгыг намба колхоз правление“.

Самаге турманласыг; тав ронгхувлаттал тарвитынгысь колканн ёл-рагатас.

Молях тав ёмаснувег емтыс. Аквнакт атыр асирма хоталт тав палтэ ханисьятахтын няврамыт ёхтысыт. Тан кол кивырн ласьялакве, сягтим, асирма юв-тулим юв-сялтсыт. Тан халанылт маньялат, ёмас, матырмамт урыл сака номсынэ учительница люлис.

Яков ос Мотя сянь ляпан йисыг. Яков ласьялакве, воздух ювле лиласим, лягалас:

— Таня акв... ман... ман... тии....

Воссыг тав нэматыр ат лавыс.

Тувыл Зоя Александровна потыртангкве патыс. Учительница молямтахтим, потыртан матэныл тув-пойтсим, та урыл потырталыс, пионер Павлик Морозов тиньнг наме страна яни-тыл вангкве патвес, тав, накн патум сянь, хот ат ёрувлавес, тав правительствон олнэтэ палит персональный пенсиял май-вес, хоталынг Крым маң, Сэмыл сярьсь похын пусмалтахтунгкве минунгкве лававе.

Сянь тав латнганэ ат хулыгласанэ. Тав ти ёмас, тав уре-тыл номсынэ няврамыт вильтыт нупыл сунсыс, тан астал люль-сыт, тав таком тананыл ляпан симн синьгтангкве тахмаясанэ.

Учительница Татьяна магыс, пуссын Герасимовка магыс ёрынгысь потыртас: тав таи магыс ёрынгысь потыртас, Гера-симовка павылт тамле пилтал пыгрись яныгмас; сав миллион советский няврам Павел хольт солингыг ос Родина веськат пыгыг олунгкве ворагангкве патэгыт.

Сянь ат ваим ти латынг повторяйтэ:

— Пыгыг...

Илттыг тав такысь лилтунгкве патыс, тан ляпанылн катаге тактим ёхтыс.

— Няврамаквет... ам утанум...

Глава XII.

ПИСЬМО ФРОНТНЫЛ.

Нярупмоспа кипарисыт халт, урт колкве унли. Тан карсыт, осьсят, сохтыт, кол мувлахи люлегыт, аквтоп астал, сягтим кол урегыт.

Иснасныл кипарисыт халт атырхари сярысь нангкыс.

Тав акваг хотталь-та хартахатас, хумпанэ нох-лапыглэгыт, тувыл нерыл хусаталнэ хумпанэ ос хотталь-та тахегыт. Ти хумпыт хоиглан суй палыг-пунсим форточканыл ласьякве суйтыгли.

Иснаст вотим эква люли. Тав катэт письмо пуви, ань усьти ёхтувес. Тав палыг инг ат пунситэ, хоса атырхарпа кон-

верт нупыл сунси, аквтоп хансьюнγκве тангхитэ, адрес латын-гыт аман хонгхан хансувесыт:

„Крым, Алупка, Севастопольский ус хули, № 4, Морозова Татьяна Семёновна палт“.

Юи-овылт тав конверт палыг-пунси:

„1944 тал 25 октябрь хотал порат. Восточный Пруссия.“

Ам омакем! Тихотал ам алхатнэ вармалъ юи-палт нангынныл нэпакыл ёхтувесум. Маныр ёмас, нанг, ам матум омакем, ильпииг липасын патум Крым, сярисын, хоталн ёхтысын! Ам топ пилэгум, нанг нангккен амталум, Герасимовка юртыттал касын холи, марсюмлавен. Но ань молях мен аквёет олунгкве патимен. Ведь ман нох-патнэ вармалуов сяр, сяр ляпат оли!

Ам ятил, эруптан омакем! Тахнэ вармалъ ёхтыс!

Ман армияв та пал хон мат мини. Ман манки советский мав врагытныл воим миначув, мансавит люсьнэ, тистил вармалъ нак васув. Ман ань тыг-ёхтысув.

Ман элалъ маныр воратасув!

Тихотал постыглан порат ман та пал хон махум писалыныл толлан порат акв я унсылув.

Овлэт та пал хон ватан автоматынг махум унсысыт. Тан акв мань ма ломтын такысь яртхатсыт. Тананылн нётнэ, ёрамтан магыс артиллерия та палн унсуптангкве эрыс.

Ам та порат, нэмаат сака янит орудие командирыг олмум магыс, сартын унсуптахтунгкве вовхатсум. Ман пушқав ос сопас снаряданув понтонн (хапн) талтсанув, товункгве патсув. Я котилът ман немцытн самынпаттувесув, тан патлуптангкве патсыт.

Снарядыт толлан маныл вит мувлахи нох-алумхатыглас, ман палтув патыглас (равтхатыглас).

Ам амки пыгрисянум нупыл ронгхувласум, хот вос ахвсалахтасыт, эрынгпыл, уим паг-ёхтхатунгкве эрмыгли.

Вата мус матахкем метрын ёхтумув порат, понтон снаряд ломтын тара манумтавес.

Карыс, вангнынг украинец Андрей Чубарь — ам сартын тав уретыл нангын хансыгласум — сяр сартын полям янгк витн порыгмас, лаглэ сакватим кос олыс. Сотынгыг олмув магыс, ти мил ма атим олыс, тав понтон вангнэтыл нох-ураястэ. Ман катанувтыл пушка паг-то-тыслув ос огневой позиция (патлуптан магыс кан) варсув.

Молях я ултта унснэ ман фашистский танкыт нё-вумтасыт. Ман 200 метр пасит тананыл патлуптасанув, акв снаряд наскассыг ат минас. Ти бойт ман ат фашистский танк порсыг тотсув.

Ос акв нак урыл нангын потыртангкве тангхегум, тииныл тихотал ам роттыг олунгкве ат вермегум.

Андрей Чубарь ман палтув нэмат хосат ат ёхтыс, таи магыс тав ам Паша апсииг олмум урыл ат вастэ. Сёскем холам юи-палт Андрей нюлмитэ лап-перим, ам тав сопакет, письмо аня ос документыт халт пес газетаныл ёмсякве яктим Паша портрет хонтсум.

Ам тамле вармаль ат урсум, даже ам торгасасум.

„Ти хури нанг манрыг ёт тотыглилын?“ — ам таве китапасум.

Тав мось асталнув олыс ос лягалас:

„Нанг, товарищ старший сержант, пионерыг олсын ман ати?“

„Олсум“, ам ювле лавсум.

„Та сир ке, нангын вангкве эри, маныр сир тамле пионерский салют: пунгкын нуми-палт нох-алмим ат тулёвыл. Ти тамле вармаль, пионер мир вармалит янит-лиянэ, таквинатэ урыл мосься номси. Тамле пионерыг и ти пыгрись олыс. Ам маньтагыл таве эруптаслум, а соль, товарищ сержант, нэн акв опарисинг нампаг. Налиман нупыл кит тал порат тав советский власть врагытн алвес. Тав Родинатэ урыл сака номсыс, врагыт нупыл воритотыс, таи магыс и алвес.

Нанг мось аумныл маньлатнув, эрынг, ти нак ат ваглын, ам та порат амки тав хольтэ тамле пионерыг олсум. Та порат пионер сборт, Украинат, ман клятва

мисув, олнэв палит аквта хурипаг олунгкве патэв, хумус нёр пионер Павлик Морозов олыс“.

Ам Андрейн нэматыр ат лавсум. Но нанг, ятил омакве, номсэн, маныр ёмас! Павел номаве.

Ань этипала. Ам ти письмо немецкий барон сакватим кол похыт хансилум. Ман тит мосья олэв. Молях ильпииг элаль, бойн минэв!

Ам тиньнг омам, осьёмасулум. Нангын симынгысь синьгтилум, нанг ёмас матум катагын аниглиягум. Ятил омакве, молях хонтхатнэмен мус!

Нанг пыгын *Роман Морозов*“.

...Тав письмо похын пинитэ ос иснасныл кипарис йивыт халт атырлалнэ сярись нупыл кональ сунси.

А иснас ёли-палт, ахвтас лёнгхыт, няврамыт тур суит суйтэгыт. Ти Алупка ус ханисьтахтын няврамыт школань юв-минэгыт. Няврам аня колкве похыт ёл-люлис. Няврамыт куньгегыт, тав нупылэ катаныл хосгегыт:

— Татьяна Семёновна, пася олэн.

— Тиньнг Татьяна Семёновна, пася олэн!

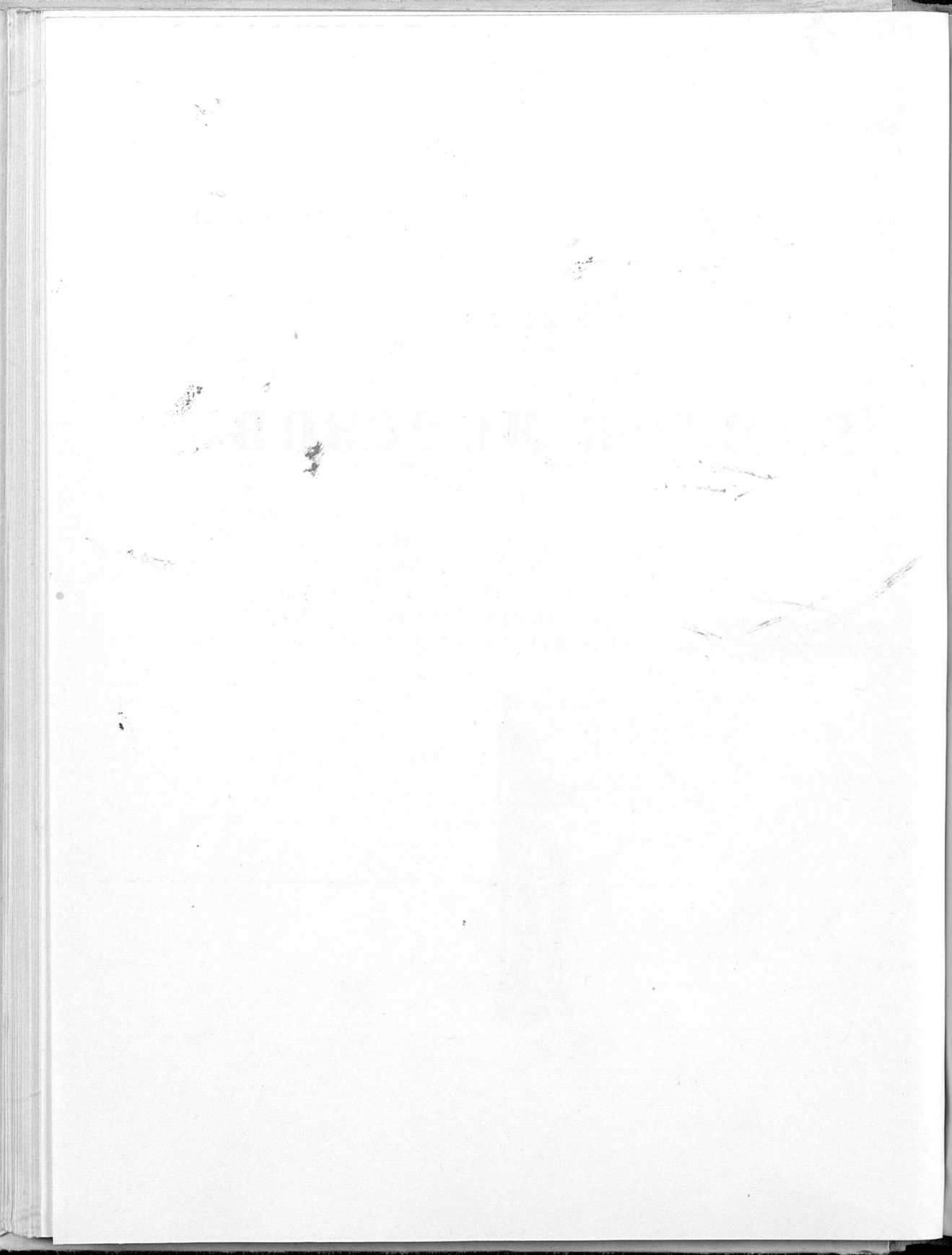
Тав ос тан нупланыл куньги, пасялахтын магыс катэ нох-алмитэ ос пайтэ хосит овтнэ сам витэ ат ваим хот-осувлитэ.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В. ГУБАРЕВ

ПАВЛИК МОРОЗОВ

Память о нём не должна исчезнуть.

М. Горький.

Глава I.

НЕПОНЯТНАЯ ОБИДА.

У Якова время от времени постукивали зубы — то ли от ночного холода, то ли от страха. Ёжась, шагал он по лесной тропинке следом за Павлом и тревожно поглядывал по сторонам: что, если волк? Правда, говорят, летом волки не нападают, да вдруг какой-нибудь шальной выскочит...

Павел торопился, шагал широко, шлёпая босыми ногами и помахивая в темноте куконом с рыбой. Яков с трудом поспевал за ним и ворчал:

— Вот угорелый, вот угорелый!

Был Яков низенький, толстый, медлительный. А Пашка вон какой костлявый да длинноногий — быстрее всех в деревне бегают. Попробуй поспей за ним!

— Тише ты, заводной! — взмолился Яков.

Павел остановился, негромко засмеялся:

— Что, жарко?

— Да, так жарко, что зубы лязгают... А ты, это самое, всё одно не беги.

— Неужто замёрз? Чудно! А жиру в тебе мно-ого...

Якову почудилась усмешка на лице Павла.

— Жир — это тебе не тулуп, чтоб греть. А у меня вон ещё штаны не высохли от озера, гляди-ка.

Они стояли рядом, окружённые темнотой и лесом — высоким, непроницаемым и недвижимым. Над деревьями холодным огнём горели редкие северные звёзды. Так тихо сейчас в тайге, что кажется: если крикнешь — на тысячу километров пойдёт скакать эхо по чёрным верхушкам сосен и елей.

Павел вдруг дёрнул товарища за руку:

— Слышишь?

Где-то недалеко потрескивал валежник. Всё ближе, ближе. Мальчики притаили дыхание. Вблизи качнулся куст, небольшой зверь выбежал на тропинку.

Яков рванулся вперёд, тонко завопил:

— Пашка, волк! Па-ашка!

Спотыкаясь и сопя, друзья стремительно прыгали через кусты и пни, а волк уже совсем рядом, и Якову кажется, что он чувствует на своих ногах его горячее дыхание. Но Павел вдруг останавливается и хохочет:

— Стой, Яшка! Кусака это! Стой же, дурной!

Яков тяжело дышит, опасливо косится на мохнатого зверя, который мирно помахивает хвостом. Теперь и Яков узнал Кусаку — охотничьего пса Василия Потупчика. А вон идёт и сам Василий с двустволкой за спиной, высокий и плечистый.

— Ух вы, храбрецы! — басом говорит он. — Чего спужались?

— Дядя Вася, это Яшка крикнул: „Волк!“ — оправдывается Павел.

— Ты сам первый побежал, — смущённо бормочет Яков.

— Ничего не первый.

— Нет, первый!

— Ладно, хватит вам! — сердито басит Потупчик.

Но мальчики знают, что он совсем не сердитый. Это голос у него такой — гудит, как в колодце: бу-бу...

— Вы где были?

— На рыбалке, дядя Вася.

— Ну, молодцы! А я далече бродил, тоже набил кое-чего.

Он весь обвешан дичью, шагает тяжело, уверенно. С ним не страшно, пускай теперь хоть сам медведь вылезет.

Путники вышли на просеку, где проходит узенькая дорога на Герасимовку. Теперь до деревни близко — вон на полянке уже и кресты

чернеют. Эти кресты стоят здесь давно; один большой, другой поменьше. Подгнили, накренились под ветрами и дождями, но всё ещё держатся.

Страшную историю рассказывают старики про эти кресты.

Лет тридцать назад, когда Герасимовка была ещё совсем маленькой деревушкой, по округе ездили коробейники. Приезжали они сюда, на север Урала, из Екатеринбурга,¹ торговали бусами, водкой и дешёвыми ружьями, скупали у охотников пушнину по дешёвой цене.

Как-то раз молодой герасимовский мужик Арсений Кулуканов подстерг в лесу этих коробейников — купца и купчиху. Выстрелил из дробовика и размозил купцу голову. А толстая купцова жена выпрыгнула из таратайки и, дико крича, бросилась в кусты. Убийца догнал её на полянке и прикончил вторым зарядом.

Был Арсений и раньше богатым мужиком, а с тех пор ещё больше пошёл в гору: построил дом — большой и красивый, с резными наличниками, завёл крепкое хозяйство. Сперва его потревожил волостной пристав из Тавды, но убийца быстро откупился награбленным золотом. И в протоколе пристав записал: „Найдены супруги убиенными неизвестно кем“.

А Кулуканов поставил на могиле убитых два деревянных креста — наверное, чтобы не считали его злодеем.

Когда Василий Потупчик и мальчики проходили мимо крестов, Яков сказал шопотом:

— Дядь Вась, а ведь кресты, это самое, сгнили... Небось, Кулуканов новые поставит скоро.

Охотник проворчал:

— Я б ему самому крест поставил!

Василий Потупчик ненавидел Кулуканова и ни перед кем не скрывал своей ненависти. Несколько лет он батрачил у Кулуканова, получая за свой труд только харчи. А когда попросил расчёт, то хозяин подсчитал так: не он должен Потупчику, а Потупчик ему должен за харчи. А не один Потупчик был таким в Герасимовке: треть деревни батрачила у Кулуканова, и треть деревни была у него в долгу. Хитрый, жадный был Арсений Кулуканов!

¹ Так раньше назывался город Свердловск.

Потупчик достал кисет, ловко скрутил в темноте папиросу, чиркнул спичкой.

— Я бы, ребята,— заговорил он, шумно выпуская дым,— взял бы нашего Арсения, кабы моя воля, да и в лагерь к ссыльным кулакам. Там ему компания!

— Дядя Вася, а зачем их сослали сюда?

— А чтобы не мешали. Понял? На Украине да на Кубани мужики уже в колхозы объединились, а кулаки мешали. Вот их и сослали сюда, на север. Ну, а хозяйства ихние в колхозы пошли. Дело, ребята, правильное! — Потупчик говорил громко и быстро, взмахивая большими руками. — Кулак потому и называется кулаком, что чужими руками хозяйство наживает. Понял? Вот возьми, к примеру, нашего Кулуканова. Я на него с двадцать четвёртого по тридцать первый год батрачил. Год всего, как ушёл. А разве я один такой? На крови да на батрацком поте он и разбогател. А раз не твоё всё это, отдай народу! Ведь так, ребята?

— Ну, ясно, это самое, так... У него, дядь Вась, и фамилия кулацкая — Кулуканов. Дядь Вась, а когда у нас в Герасимовке колхоз будет? — спросил Яков.

— А это ты у своего дружка спроси. — Потупчик добродушно рассмеялся, положил тяжёлую ладонь на плечо Павла. — Слышь, председателёнок, когда твой отец колхоз устроит?

Павел не ответил. „Председателёнком“ Павла шутливо называли в деревне потому, что его отец, Трофим Морозов, был председателем герасимовского совета.

— Колхоз — это вели-икая сила, — протянул Потупчик задумчиво. — Какую жизнь, ребята, устроить можно! Какую жизнь!.. Известное дело, что одному не под силу, то коллективом всегда порешить можно. И чего Трофим тянет, не могу уяснить.

Он остановился, бросил на дорогу сверкнувший огоньком окуроч, старательно придавил его сапогом.

— Многое Трофим не так делает, как надо, — прибавил Потупчик со вздохом. — Ох, не так...

— А что, это самое, не так? — спросил Яков и покосился на Павла.

— Он думает, что председатель сельсовета — так ему всё можно... Да что ты у меня спрашиваешь? Ты вон у председателёнка спроси...

— Ну что ты пристал, дядя Вася! — громко и резко сказал вдруг Павел, и голос у него задрожал.

Яков удивлённо потянул приятеля за рукав:

— Пашк, чего ты?

— Не лезь!

Павел круто повернулся и через кусты зашагал к блеснувшим огням деревни. Потупчик остановился, развёл руками.

— Постой, парень, ты чего осерчал? — виновато забасил он.

Павел шёл, не оборачиваясь, Яков шепнул:

— Не любит он, когда его так называют.

— Так я же в шутку, вот чудной-то! — покачал головой охотник. — И чего тут обидного?

Глава II.

ОТЦОВСКИЕ КОНФЕТЫ.

Семья Морозовых ужинала. На ужин пришли гости, родители Трофима Морозова, — дед Серёга и бабка Ксения, а с ними — девятнадцатилетний Трофимов племянник Данила.

В избе было жарко и душно. Открыли дверь наружу. На свет налетели мошки — болотный гнус. Вокруг жестяной лампы гнус клубился серым роем.

Трофим Морозов сидел распаренный, красный, с хлебными крошками в усах. Рядом с ним — дед Серёга с белесыми, посоловелыми от выпитого вина глазами.

Стар дед Серёга, седьмой десяток. Голова серебряная, на лице ручейки морщинок. Стар, но ещё крепок дед, не сравнишь с бабкой.

У той нос совсем по-старчески повис над шамкающими губами, голова ушла в плечи, за плечами — горб. А дед, подвыпив, иной раз ещё и сплясать может, ничего, что ноги кривые.

В молодости, при царе, дед Серёга жил в Витебской губернии, служил там тюремным надзирателем. Жил в ладу с начальством, копил деньги. А потом переехал с семьёй в Герасимовку на пустующие уральские земли, стал обзаводиться хозяйством.

Второй его сын, Трофим, скоро женился, отделился, построил

рядом с дедовым двором свою собственную избу. Остался дед с бабкой и Данилой — внуком от первого умершего сына. Хозяйство ладное, а деду всё мало, всё копит да стяжает и Данилу тому же учит.

..Павел поднялся на крыльцо, заглянул в открытую дверь. Дед хрипловато пел, потряхивая головой и хмураясь:

— Бывали дни весё-лые, гулял я, молодец... и-их!

Все чему-то смеялись. Тоненько и заливисто хохотал на печи младший брат Павла, восьмилетний Федя. Только совсем маленький шестилетний Роман удивлённо таращил на деда круглые глазёнки.

Федя увидел на пороге старшего брата, соскользнул с печки.

— Братко пришёл! О, гляньте, карасей сколько!

Дед поднялся:

— А-а, рыболов! Ну, поди, поди сюда, внучек.

Павел на ходу шепнул брату, косясь на сидящих:

— Отец не злой?

— Весёлый, Паш, с дедом песни поёт.

Отец дожевал кусок мяса, старательно вытер ладонью рот.

— Ты что же, сынок, так поздно?

— Далеко зашли, папанька... На той стороне озера были.

— Смотри, потонешь когда-нибудь. Ну, садись, ешь. Налей-ка ему, Татьяна.

Мать подала миску со щами, села рядом с сыном.

Была Татьяна худой и бледной, прожила она свои тридцать пять лет в постоянном труде, радостей видела мало. В детстве не пришлось учиться: батрачила у богатого соседа. Замужество не принесло облегчения. Хозяйство и дети отнимали здоровье и силы, но в детях находила Татьяна свою материнскую радость. Вон Пашка какой большой и разумный вырос! Лучший ученик в школе. Учительница Зоя Александровна говорит, что ему обязательно нужно учиться дальше. Может, доктором или учителем станет. Домой носит всякие книжки и всё читает газеты. И мать по складам читать и расписываться выучил. Сначала смешно было, думала — впустую все занятия, а потом приятно стало складывать из букв слова и понимать их.

Всё бы хорошо, да только Трофим суров с детьми, особенно почему-то недолюбливает Павла.

Татьяна ласково смотрит на сына, поглаживает твёрдой рукой по его жестковатым чёрным волосам:

— Не хлебай, Пашутка, быстро,— захлебнёшься...

Павел ест, обжигаясь и морщась, дует в ложку, искоса поглядывает на двоюродного брата Данилу. Тот сидит, развалиясь на скамье: глаза, как у деда, помутневшие и узкие. На верхней губе у него растёт, да никак не вырастет редкий рыжеватый пух. Павел знает, что Данила часто скребёт бритвой под носом, чтобы усы лучше росли. Хочется ему походить на взрослого мужика. Вот и сейчас сидит он и крутит непослушными, пьяными пальцами папиросу. „Задаётся“, решил Павел.

Данила так и не скрутил папиросу: рассыпал табак. Поманил кивком Федю и сказал шопотом, протягивая стакан:

— На... допей.

Федя делает круглые глаза, качает головой:

— Пей сам. Пашка говорит: нельзя ребятам.— И он с тревогой взглядывает на старшего брата.

Федя преданно любит Павла и во всём старается ему подражать. Ведь с осени Павел будет учиться уже в четвёртом классе, а он, Федя, только пойдёт в первый. И потом ещё, Павел — вожак в отряде у пионеров, его все ребята слушаются. Через два года и Федя тоже будет пионером!

Данила усмехается:

— Мало что Пашка говорит... Кто он тебе?

— Брат.

— Так я ж тоже брат.

Федя молчит, соображая что-то.

— А ты не пионер! — Вот! — говорит он.

— Пио-онер! — презрительно тянет Данила.

Бабка Ксения грозит ему пальцем, шелестит беззубым ртом:

— Ты чему там Федюшку учишь, разбойник! Садись сюда, внучек.— Она усадила мальчика рядом, приласкала.

Дед Серёга весело кивает Павлу:

— Федюшке-то нельзя, а старшему приучаться можно.

Трофим пьяно улыбается, тянется к Павлу, обнимает:

— Сынок, поди ко мне, милый...

Он горячий и потный, от него резко пахнет водкой, но Павел так поражён этой неожиданной, давно забытой лаской отца, что льнёт к нему и говорит тихо и растроганно:

— Папанька... папанька...

Мать, улыбаясь, смотрит на них. На её бледном лице радость.

— Давно бы так... А то совсем забыл, как детей любить надо.

Отец целует мальчика мокрыми губами, подсовывает ему стакан:

— Выпей, сынок, за папаньку. За папанькино здоровье!

— Ему нельзя, дядя Трофим: он пионер,— кривится Данила.

Татьяна вскакивает:

— Трофим! Рехнулся, что ли? Мальчишке тринадцать лет... Не слушай его, Пашутка!

Но Павел нерешительно берёт стакан:

— Подожди, мам... Ведь за папаньку!

— Па-аша!— ахает Федя.

Татьяна гневно кричит:

— Трофим!

— Ну ладно, ладно, не буду...— виновато посмеивается отец.— Давай, Таня, чаю...

— То-то — чаю...— Татьяна успокоенно улыбается, осторожно отстраняет прижавшегося к ней Романа, привычными движениями убирает со стола.

— Чай,— говорит дед,— его хорошо со сладким пить. А что у вас к чаю есть?

— Есть кое-что,— зеваёт Трофим, подмигивая Феде.— Есть сладкое.

Он, покачиваясь, выходит из-за стола, распахивает дверцы шкафа.

— Крефеты!— счастливо визжит Федя.

— Дай, папанька!— так же тонко вторит ему Роман.

— С начинкой!— Трофим прищёлкивает языком и, помахивая кульком, закатывается вдруг хриплым смехом.— Привезли сегодня в кооператив, ну, я и взял. А главное — никакого расхода! Председатель совета!

Он сунул детям по две конфеты. Федя стремительно нагнулся над столом и прихлопнул конфеты ладонью, будто это жучки, соби-

рающиеся улететь. Потом Федя взглянул на старшего брата. Павел сидел покрасневший и мрачный. Он не прикасался к конфетам.

— Я не буду их есть,— тихо проговорил Павел.

— И я не буду...— сказал Федя.

Все посмотрели на Павла. Отец сощурил один глаз:

— Почему же это ты не будешь их есть?

Павел молчал.

— Ну?

— Потому что... потому что...

— Почему?

Павел ногой нащупал под столом планку, соображая, будет ли она мешать, если понадобится бежать.

— Потому что... зачем ты брал конфеты? — выпалил он, краснея ещё больше.— Взял, а денег не платил!

— А денег не платил...— слабо, как эхо, повторил Федя.

— Паша! — вскрикнула мать.

Дед Серёга зашевелился, закачал головой:

— Неладно ты, внучек, про отца говоришь!

— А он пускай не делает, чего не полагается! Он думает, что председатель, так ему всё можно!

Трофим сурово сдвинул брови. У него подёргивался ус.

— Так... — заговорил он в тишине, растягивая слова.— Выходит, стало быть, по-твоему, я — вор?

Он рывком сдёрнул с рубахи ремень.

— Брось, Трофим! — Дед удержал его за рубаху.— Слышишь, брось! Мал он, зелен... — Вырастет — поумнеет.

— Так я тебе покажу, какой я вор! — Трофим рванул затрепавшую рубаху из рук деда, шагнул к сыну.

Татьяна вскочила, стала перед мужем:

— Не тронь Пашку! Слышишь? Не тронь!

Он грубо толкнул жену, взмахнул ремнём.

Павел ждал этого движения и, согнувшись, скользнул в сторону. Ремень стегнул по скамейке. Мальчик распахнул окно, выпрыгнул в темноту.

С минуту Павел стоял у ворот, прислушиваясь к крикам разбушевавшегося отца. У него подёргивался подбородок.

С крыльца сбежал всхлипывающий Федя, подошёл к брату:

— Пашк... побил... больно.

Потом вышел дед, негромко окликнул Павла:

— Дурень, ведь отец-то пошутил...— Он протянул мальчику конфету:— Возьми. А ночевать, ребятки, вы нынче идите ко мне, а то прибьёт вас отец. Смотри—расходился... Да возьми конфету, ведь пошутил он.

Павел в нерешительности помедлил, но конфету всё-таки взял.

Глава III.

СХВАТКА В ЛЕСУ.

Ночью прошёл дождь. Но к утру небо очистилось от туч, и солнце засияло над тайгой.

Повторенное бесчисленное количество раз, оно сверкало в каждой травинке, в каждом листе.

Дул тёплый южный ветер. Деревья мягко шелестели, осыпая крупные капли.

По лесу шла девочка в сереньком платье. Растрепавшиеся светлые косички её были влажны от этих капель. Шагая по высокой траве, она подтягивала подол платья, и мокрая трава приятно холодила её загорелые коленки.

На небольшой полянке девочка присела на ствол когда-то поваленного бурей дерева. Вокруг под ветром шелестела трава, и со всех сторон на неё наплывал весёлый гул омытого дождём леса. Пахло цветами и сыростью.

Мурлыкая какую-то песенку и улыбаясь, девочка смотрела вокруг. Рядом с ней на длинный зелёный стебелёк опустился большой бархатный шмель, и стебелёк равномерно закачался под его тяжестью. Словно балансируя, шмель смешно перебирал мохнатыми ножками, подрагивал стеклянными крылышками. Девочка засмеялась и протянула к нему руку. Испуганный этим движением, шмель взметнулся кверху и, кругами набирая высоту, исчез между деревьями.

Потеряв из виду шмеля, девочка вздохнула, потянулась и, подложив под голову руку, легла на стволе. Лесной гул убаюкивал её, и она закрыла глаза.

— Вот так её в разведку посылать! — услышала она вдруг чей-то недовольный голос.

Девочка торопливо вскочила, одёргивая платье.

Перед ней стоял Павел с группой ребят.

— А что... я ничего... — смущённо заговорила она.

— Ну да, ничего! — усмехнулся Павел, весело поглядывая на товарищей. — Ничего, только по всему лесу храп раздаётся.

Девочка обиженно заговорила:

— А я и не спала совсем. На самую чуточку только глаза закрыла...

— Ладно уж, — примирительно сказал Яков. — Давайте, это самое, на этот раз простим её. Уж больно она хорошо научилась дорожные знаки ставить. Ведь от самой деревни по её дорожным знакам шли и не сбились.

— Так и быть, простим, — продолжая улыбаться, согласился Павел. — Ты, Мотя, так и знай: за дорожные знаки прощаем тебе нарушение дисциплины!

Он отошёл в сторонку, оглядел собравшихся искомандовал:

— Отряд! На линейку становись!

Пионеры выстроились на полянке. Когда провели переключку, оказалось, что на сборе присутствует десять человек. Недоставало одной пионерки — Клавы Ступак.

— Ну, ясно! Девчонки, это самое, всегда подводят! — заворчал Яков.

Мотя погрозила ему пальцем:

— Ну-ну, ты потише насчёт девчонок!

— Отставить разговоры! — строго прикрикнул Павел.

Он помолчал, командирским взглядом окидывая строй, и торжественно произнёс:

— Очередной сбор герасимовского отряда юных пионеров объявляю открытым! К борьбе за рабочее дело будьте готовы!

И собравшиеся не очень дружно, но зато горячо и громко ответили:

— Всегда готовы!

— Знаменосец, поднять флаг!

Яков торопливо вынул из-за пазухи красный флажок. Зажимая

коленками выструганный из берёзки шест, он укрепил флажок на его вершине. Затем Яков вышел из строя и воткнул шест в мягкую после дождя землю. Маленький красный флажок затрепетал на ветру.

— Вольно! — скомандовал Павел. — Садись, ребята, где посуше.

Он вынул из-за пояса книгу, аккуратно завернутую в газету. Это была „Мать“ Горького. В конце учебного года её подарила Павлу Зоя Александровна. Вначале пионеры собирались прочитать книгу по очереди. Но потом решили, что это лучше делать всем сразу — на сборах. Так никому не обидно, а книга такая интересная!

— На, читай, Мотя, твоя очередь.

Мотя открывает книгу. Её голос звучит тихо и ровно.

И вот нет больше тайги. Все словно перенеслись в другой мир. У Павла горячо стучит сердце. Человека, о котором пишет Горький, тоже звали Павлом. Какой это замечательный человек! Как отважно он боролся за свободу, за счастье народа!

Мотя читает:

„Заревел гудок, поглотив своим чёрным звуком людской говор. Толпа дрогнула, сидевшие встали, на минуту всё замерло, насторожилось, и много лиц побледнело.

— Товарищи! — раздался голос Павла, звучный и крепкий.

Сухой и горячий туман ожёг глаза матери, и она одним движением вдруг окрепшего тела встала сзади сына. Все обернулись к Павлу, окружая его, точно крупинки железа кусок магнита.

Мать смотрела в лицо ему и видела только глаза, гордые и смелые, жгучие...

— Товарищи! Мы решили открыто заявить, кто мы, мы поднимаем сегодня наше знамя, знамя разума, правды, свободы!

Древко, белое и длинное, мелькнуло в воздухе, наклонилось, разрезало толпу, скрылось в ней, и через минуту над поднятыми кверху лицами людей взметнулось красной птицей широкое полотно знамени рабочего народа“.

Голос Моти начинает дрожать от волнения. Она делает глубокий вздох и поворачивает лицо к пионерскому флажку, который, словно язычок пламени, колышется среди зелени. И вместе с Мотей поворачивают лица к своему флажку все пионеры.

— Знамя разума, правды, свободы... — тихо повторяет Мотя.

Внезапно Яков вскакивает с места. У него тревожное лицо.

— Слышите? — шепчет он.

В лесу кто-то кричит.

Да, теперь все слышат: где-то близко кричит Клава Ступак.

Пионеры растерянно переглядываются, встают. На полянку выбегает всхлипывающая Клава. Она так бледна, что густые веснушки на её лице видны ещё отчётливее, чем обычно.

— Ребята, — прерывающимся голосом говорит она, — за мной саковцы гонятся!.. Камнем ударили.

„Саковцами“ в Герасимовке прозвали группу ребятшек по имени их главаря Петьки Сакова. Много неприятностей наделали саковцы отряду. Вначале, после того как в школе был организован пионерский отряд, они всячески пытались срывать сборы. Били в классе окна, если там собирались пионеры, швыряли в них дохлых мышей. Потом, когда в школе кончились занятия и пионеры, скрываясь от саковцев, начали собираться в лесу, Петька и его сверстники стали подстерегать пионеров поодиночке.

Павел, бледнея, подошёл к Клаве Ступак.

— Где они? — глухо спросил он.

И в ту же секунду откуда-то в него полетел камень. Павел стремительно согнулся, и камень лишь слегка задел его.

— Трус! — яростно крикнул Павел. — Камнями кидаешься, а один-на-один выйти боишься!

Это был вызов. И тогда кусты раздвинулись, и на полянке появился Петька Саков. Это был рыжий вихрастый мальчишка. Засунув руки в карманы, он презрительно глядел на пионеров. Один за другим на полянку выходили саковцы.

— Ну, кто трус? — спросил Петька и, оттопырив нижнюю губу, сплюнул через плечо.

Павел шагнул к нему навстречу. Он тяжело дышал.

— Смотри, Петька, доиграешься!

— А ты не пугай! Я сам пугать могу.

— Мы вас не трогаем, и вы нас не трогайте.

— Ишь ты какой!

— Какой?

— Больно важный. Тоже мне — коммунист.

— А ты подкулачник!

— Вот мы ваш флаг на тряпки пустим!

— А ну, попробуй!

— И попробую!

Подбадриваемый приятелями, Петька Саков вразвалку подошёл к отрядному флажку. Павел шагал с ним рядом, плечо к плечу.

— А ну, попробуй! — повторил он сквозь зубы.

Саков, не отвечая, медленно вынул из кармана руку и вдруг рывком протянул её к флажку. Через секунду Павел и Саков катались по мокрой траве. На помощь Петьке торопились приятели.

И ещё через несколько секунд на всей полянке закипела схватка. Сбившись в стороне, громко визжали девочки.

Силы были на стороне саковцев. Мотя с тревогой видела, как один из них совсем близко подобрался к флажку, собираясь сдёрнуть его с места. У Моти захолонуло в груди.

— Ах ты ж гад! — вдруг пронзительно закричала она и, чувствуя, что ей становится всё нипочём, что она больше никого на свете не боится, бросилась на врага.

Одной рукой она вцепилась ему в волосы, а другой начала яростно его царапать. Поражённый такой отчаянной храбростью, противник завопил, рванулся и позорно побежал с поля боя. Мотя бежала за ним, неумело тыча в его спину кулаками.

— Ах ты ж гад! Да я тебе за наш флаг глаза выцарапаю!..

Трусость заразительна. За одним побежали другие. Петька Саков убежал последним, выплёвывая траву и размазывая по лицу кровь.

Но победа не радовала пионеров. Сбор был сорван. Они молча собрались вокруг Павла. Тяжело дыша, он осторожно трогал пальцами вздувшийся под глазом синяк.

Молча пошли в деревню. И лишь когда между стволами уже стали видны избы, Павел посмотрел на Мотю и вдруг широко улыбнулся:

— Ишь ты какая! Даром что девчонка!

Глава IV.

ТРЕВОЖНЫЙ ВЕЧЕР.

Василий Потупчик вышел на крыльцо. Щуря глаз, взглянул на небо.

На крыльце сидела Мотя. Рядом с ней — на корточках Павел и Яков. Все трое что-то горячо обсуждали. Увидев Потупчика, они замолчали.

— Папанька, ты чего смотришь? — спросила Мотя.

— Снова дождь собирается. — Он почесал рыжую бороду. — Хотел на ночь к озеру идти — не придётся.

— Дождь? — Яков привстал, оглядывая горизонт. — А зорька чистая, дядя Вася.

— Посмотришь. У меня нюх охотничий. А вы чего тут заговорничаете?

— Да так, про разные дела.

— Дела! Смотри, какие люди деловитые! — Он басисто рассмеялся. — Дочка, а ты бы отцу поесть собрала.

— Папанька, там в печке.

— А тебе лень?

Мотя просяще протянула:

— Папа-анька...

— Ну ладно, сиди уж! — Он махнул рукой, ушёл в избу.

Ребята продолжали разговаривать вполголоса, нетерпеливо перебивая друг друга. Смеркалось. Меж избами над тёмной линией леса медленно бледнела заря. В этот вечерний час в деревне было пустынно и тихо, где-то далеко звенела гармошка.

Звякнула калитка. Босоногая Мотя прыгнула с крыльца навстречу вошедшему человеку.

— Товарищ Дымов!

— А-а, Мотя! — Человек улыбнулся, блеснув крепкими зубами.

Он был молод, плечист, в белой рубашке с расстёгнутым воротом, в скрипучих сапогах.

Из двери высунулся Потупчик, приветливо забасил:

— Вот хорошо, и квартирант пришёл! Как раз к ужину.

Павел выступил вперёд, сказал смущённо:

— Товарищ Дымов, мы к вам по одному делу...

— По какому, Федя?

Мотя рассмеялась:

— Это не Федя — Федя маленький. Брат его...

— Ах, какой я забывчивый! — Дымов смешно замахал руками. — Извини меня, пожалуйста! Ну, Паша, я слушаю.

Он сел на порожек, забарабанил по холщевому портфелю пальцами, с интересом посматривая на ребят. Они стояли перед ним, переглядываясь.

— Мы про избу-читальню, — начал Павел. — Она всё равно сейчас заколочена. Как учительница на каникулы уехала, так её и заколотили. Так мы хотели там пионерский клуб устроить.

— Клуб?

Дымов задумался. Два дня назад он приехал в Герасимовку из районного центра проверить, как сельсовет готовится к хлебозаготовкам. Уполномоченный не собирался задерживаться здесь: в райкоме партии считали, что Трофим Морозов хороший председатель и сумеет сам объяснить населению, как важно продать государству хлебные излишки. Но оказалось, что дела в Герасимовке неважные. Обрадовались приезду нового человека, кажется, больше всего ребяташки. Славный народ!

— Так ты, Паша, говоришь — клуб? — Дымов снимает кепку, задумчиво проводит рукой по волосам. — Хорошее дело... Только нужно прежде всего открыть избу-читальню. Сколько у вас пионеров?

— Одиннадцать, — поспешно отвечает Яков. — А вот он, Пашка, у нас, это самое, вожак. У нас учительница Зоя Александровна за вожатую была, она комсомолка. А теперь она только к осени вернётся. Она на каникулы отдыхать уехала.

— Ну вот, — улыбается Дымов, — вас только одиннадцать, а в деревне сколько народу! Как же всех оставлять без избу-читальни? Выбирайте на пионерском сборе толкового пионера, и пусть он открывает избу-читальню.

— Вот её, — Павел кивнул на Мотю.

Девочка радостно краснеет.

— Мотю? Хорошо! Значит, будешь ты, Мотя, временно испол-

няющей обязанности заведующего избой-читальней. А? — весело прищуривается Дымов.

— Ну, дочка,— гремит с порога бас Потупчика,— теперь ты со мной знаться перестанешь!

Дымов притягивает к себе Павла:

— А вы помогайте ей. Ладно? Дежурить по очереди — раз. Выпишем газеты, журналы, книжки — два. В книжках, ребята, про колхозы написано! Ну, а в той же избе и вам, пионерам, можно собираться...

— Товарищ партийный,— спохватывается охотник,— а ужин-то остывает! Брысь, ребята! Заговорили совсем человека!

— Иду, иду, дядя Василь,— поднимается Дымов.— Так ты, Паша, скажи об этом отцу. Пусть председатель сельсовета поможет вам открыть избу-читальню.

Павел молчит.

— Ну, что же, скажешь?

— А вы... товарищ Дымов... сами ему скажите...

— Почему так?

Павел снова молчит. Охотник говорит негромко:

— Он с отцом не в ладах.

— Не в ладах?

— Да, ему от отца доставалось... Мне тут по соседству видно... Так, что ли, Пашка? Я помню, он тебя крепко отхлестал, когда ты в пионеры записался.

Дымов быстро оборачивается к Павлу и внимательно смотрит в большие чёрные глаза смущённого мальчика.

— Так он тебя бил, Паша? — тихо спрашивает Дымов.

Павел наклоняет голову, невнятно бормочет:

— Ничего не бил... дядь Вася... и чего ты... — Он не может найти слов, кусает губу и внезапно оживляется: — Товарищ Дымов, а вы вчера говорили, что дадите нам лозунги, чтобы мы написали. Помните, про хлебозаготовки и про колхозы?

Уполномоченный серьёзно смотрит на Павла, соображает что-то.

— Дам, Паша... Вот поужинаю и напишу. Подожди минутку.

Ребята провожают глазами Дымова и Потупчика, усаживаются на крыльце. Уже совсем стемнело, в избах засветились оконца. Тихо

в деревне. В темноте набежал ветер, пошевелил волосы и снова стих.

— А дождь, это самое, и впрямь собирается,— вздыхает Яков и вдруг настороженно прислушивается к чему-то.

С улицы доносится сердитый женский крик:

— Яшка! Яшка!

Яков вскакивает:

— Ой, ребята, пропал! Мать зовёт. Иду-у, маманька!— Он перемахивает через забор и исчезает в темноте.

Павел и Мотя сидят молча. Она долго смотрит на его неясный профиль и шепчет:

— Паш...

Он не слышит и сидит попрежнему недвижно, облокотившись на колено и положив подбородок на ладонь.

— Паш...

— А?

— Ты про что думаешь?

— Да так...— неопределённо повёл он плечом.

— А я тоже люблю думать... Про всё, про всё! Знаешь, когда хорошо думается? Когда спать ложишься... Правда? А тебе сны снятся?

— Снятся.

— Мне раз приснилось, что в Герасимовке дома стеклянные и электричество.

Павел с интересом взглянул на неё, убеждённо сказал:

— Электричество на самом деле будет. Помнишь, Зоя Александровна говорила, что в каждой деревне электричество проведут. Вот только колхоз сначала надо.

— Только домов стеклянных не будет — побьются...— Мотя глубоко вздохнула.— Паш, а один раз ты мне приснился...

— Я?!

— Ага. А я тебе никогда не снилась?

— Не...— помолчав, ответил он.

Вдали шумела тайга, всё ближе и грозней. Ветер нахлынул на деревню сильный и скользкий, он дышал сыростью далёких болот, запахами лесной плесени и хвои. Острая молния взлетела над крышами и погасла, словно опущенная в воду.

На огороде залаял пёс.

— На кого это Кусака?— Мотя вскочила, придерживая на коленях трепещущее платье. Она исчезла за избой, но Павел слышал её тоненький, уносимый ветром голосок:

— Кусака, Кусака! На, на! Кому говорю! Кусака!

В небе загромыхало. Тяжело дыша, девочка прибежала к крыльцу.

— Кто бы это был, Паш? По огородам пошёл, быстро так...

Павел приподнялся.

— Куда?

— Да разве ж разберёшь в темноте? Вроде к вашему огороду. Да ты сиди...

— Бежать пора,— он встревоженно вглядывался в темноту,— а то мать заругает.

На крыльцо вышли Потупчик и Дымов.

— Вот я и думаю, товарищ Дымов,— громко говорил охотник,— ежели у нас, как ты рассказываешь, колхоз будет да пни выкорчуют, так великое это дело! А то у нас так: выедет мужик пахать, обопрётся на соху, глядь — пень! Перенесёт через пень соху — снова пень! Покуда пройдёт полоску, рубаха к спине прилипнет и лошадь мокрые бока раздувает. Да гнус ещё жалит!

— Переменим соху на плуг с трактором, дядя Василь.

— А я трактористкой буду!— сказала Мотя и грустно прибавила:— Только я трактора не видела.

— Увидишь, Мотя! Обязательно...— Ого!— воскликнул Дымов, взглядывая на загремевшее небо.

Девочка рассмеялась:

— Старики говорят, в такие ночи коробейники из могилы встают.

— Какие коробейники?

— О, это, товарищ квартирант, дело интересное!— усмехнулся Потупчик.

Он любил поговорить, всегда был рад собеседнику и теперь, довольный, принялся подробно рассказывать историю убийства коробейников.

— Постой,— проговорил Дымов, внимательно выслушав Потупчика,— как звали этого человека?

— Кулуканов... Лучшую землю забрал себе, заешь его гнус! Такой кулачище!

— Хм!..— Дымов казался очень заинтересованным.— А ведь в сельсовете этот человек кулаком не числится. Так и записано: середняк Кулуканов Арсений Игнатьевич. Подожди-ка, у меня, кажется, список населения есть. Ну-ка, пойдём к свету, дядя Василь.

Они снова ушли в избу. Мотя взглянула на Павла:

— Ты слышал, Паш?

— Сейчас хлынет,— уклончиво ответил он, глядя в небо.— Я побегу.

Мотя с минуту прислушивалась к шагам убегающего мальчика, потом вышла на середину двора, запрокинула голову. Её ударила по щеке крупная холодная капля. Она протянула к чёрному небу руки:

— Дождик, дождик, пропусти...

Глава V.

НОЧНОЙ ГОСТЬ.

Павел, запыхавшись, влетел в избу. Мать стояла у окна, вглядываясь в темень и кутаясь в шаль. Услышав стук двери, повернулась к сыну, облегчённо вздохнула:

— Тебя что ж, хворостиной надо домой загонять?

— Маманька, мы там с приезжим заговорились.

— Заговорились! Вон дождь какой находит... Идём к деду.

— Зачем?

— Отец велел.

Павел помолчал.

— А где братья?

— Давно у деда. Идём скорей, а то отец придёт, осерчает.

Павел стоял, не двигаясь, хмуρο шевелил бровями. Брови у него крутые, чёрные, на правой — маленькая коричневая родинка.

— Ну, идём же, Паша.

Он вдруг сорвался с места, подошёл к матери, зашептал горячо:

— Маманька... почему, как плохая погода, нам всегда к деду идти? Почему? Опять к нему хромой из лагеря придёт?

Мать быстро наклонилась к сыну:

— Пашутка, сынок, не трогай ты отца, не путайся в его дела! Слышишь, сынок? Сердце у меня болит — прибьёт он тебя!

Мальчик смотрел в бледное лицо матери, в её встревоженные, усталые глаза и чувствовал, как у него начинает дрожать подбородок. Он легко высвободился из рук матери, надел длиннополую куртку, широкий отцовский картуз.

— Я к Яшке Юдову пойду. Сегодня из Тавды газеты пришли, читать будем.

— Ну, ступай... А я у деда буду.

Они вышли вместе. Павел дождался, когда мать исчезла в темноте, и, озираясь, присел под сараем.

Бесновался ветер. Дождь шумел вокруг мощно и ровно, заглушая гул недалёкой тайги. По временам, когда вспыхивала молния, было видно, как под ветром гнутся острые верхушки деревьев. Павел поёжился: с крыши за шиворот потекла холодная струйка.

Глаза привыкли к темноте, и теперь ему было хорошо видно крыльцо.

Сначала, покачиваясь и шлёпая по лужам сапогами, отец прошёл. „Пьян“, — подумал Павел. Он ждал другого, и тот, другой, явился со стороны огорода так внезапно, что мальчик едва сдержал испуганный крик. Высокий незнакомец, прихрамывая, медленно прошёл мимо притаившегося мальчика и исчез в избе.

Павел поднялся, ёжась. Его знобило. Мысли в голове такие страшные, неясные — не поймёшь, что делать... Да, что делать?

Он взбежал на крыльцо, прислушался, приоткрыл дверь, заглянул.

В комнате было пусто. В другой комнате мигал свет лампы от ворвавшегося ветра. Наверно, отец и хромой там.

Ветер вырвал дверь из рук, широко распахнул, стукнул о стену.

Теперь раздумывать нельзя больше ни секунды. Рядом с дверью — печь, на которой Павел спит с Федей... Можно скрыться за ней...

Он неслышно скользнул на печь, свернулся калачиком.

Ветер играл дверью.

Отец вышел, выглянул на двор, захлопнул дверь, вернулся к столу.

— Что там? — услышал Павел глухой голос незнакомца.

— Ветер...

— Ну и буря! — Незнакомец кашлянул. — Так как же, Трофим Сергеевич?

— Мало даёте. — Отец длинно зевнул; было слышно, как он сел на затрепавшую кровать. — Ты пойми, мне это, может, жизни стоит, а вам денег жалко.

— Так мы ж не жалеем, Трофим Сергеевич.

— Жалеете! А меня за решётку — и никаких разговоров... Понял? — Отец щёлкнул замком портфеля, зашелестел бумажками. — Вот они, удостоверения. Гляди, тут я пропуск сделал: сами фамилии впишите, какие хотите.

Молчание. Должно быть незнакомец читал.

— Хорошие бумажки, Трофим Сергеевич.

Отец рассмеялся:

— С такими удостоверениями хоть в Москву езжай, в самый Кремль!

Незнакомец ответил не сразу, а когда заговорил, в его низком, глухом голосе послышалась такая ярость, что Павел вздрогнул:

— Это мы знаем, куда ехать надо.

Отец заворочался на кровати, спросил чуть удивлённо:

— И много там вас... таких, как ты?

— Да нет... (Мальчику почудилось, что гость горько усмехнулся.) Есть и такие, что непрочь по-советски жить. Только это не для тех, у кого огонь душу печёт! Так как же, Трофим Сергеевич?

— Возьми вот этих пару.

— Только пару?

— Остальные после дам... Понял? Когда все деньги заплатите. Вот так, значит.

— Ну, добре... — Незнакомец зашелестел мокрым дождевиком. — Я слышал, к вам приехал из района кто-то?

— Приехал один. Да ты не бойся.

— Меня не запугаешь! Прощайте, Трофим Сергеевич.

— До встречи...

Незнакомец ушёл. Отец походил по избе, бормоча что-то, прикрутил лампу, снял сапоги. Скоро Павел услышал его храп.

Мальчик осторожно спустился с печки. Его больше не знобило. Было жарко, и лицо горело так, словно он лежал в крапиве. На цыпочках пробрался в соседнюю комнату. Отец лежал на кровати, свесив ногу. Рот у него приоткрыт. По отвислой губе ползает муха.

Павел искал портфель. Его смятый угол он увидел торчащим из-под подушки.

С бьющимся сердцем подошёл к постели, задерживая дыхание, потянул портфель. Отец заворочался, забормотал, повернулся к стене.

Мальчик перевёл дыхание; оно, казалось, распирало грудь. Трясушимися пальцами снова потянул портфель, и тот, освобождённый от тяжести отцовской головы, теперь легко выскользнул из-под подушки.

Не сводя глаз с отца, подошёл к свету, открыл портфель, поспешно перелистал бумаги. Вот! Несколько продолговатых листков. Он вынул один.

У до сто ве ре ни е

27 июля 1932 года.

Дано сие гражданину в том, что он действительно является жителем села Герасимовки, Тавдинского района, Уральской области, и по личному желанию уезжает с места жительства. По социальному положению бедняк. Подписью и приложением печати вышеуказанное удостоверяется.

Председатель сельсовета *Т. С. Морозов.*

Мальчик смотрел на бумажку широко открытыми глазами. Портфель вдруг выпал из рук, гулко шлёпнулся о пол. Отец встрепенулся, приподнялся на локте, уставился на сына мутными, непонимающими глазами.

— Пашка?

Павел громко всхлипнул. Зажал в кулаке бумажку, рванулся к двери. Трофим увидел на полу портфель, вскочил, и ужас внезапно перекошил его смятое, серое лицо.

— Пашка! Пашка! Стой!

Но Павла уже не было.

Ударом ноги Трофим распахнул дверь, завопил в шумящую темноту:

— Паша-а!.. Сынок!.. Родимый!..

Босой, спрыгнул с крыльца, заметался под дождём, размахивая руками, и, теряя от ужаса голос, долго хрипел:

— Паша-а... сыно-ок...

* * *

Среди ночи Василий Потупчик проснулся от стука в дверь. С фонарём вышел в сени, спросил сердитым басом:

— Кого там черти носят?

— Пусти, дядя Вася...

— Пашка?

— Я...

Охотник загремел запорами и, осветив мальчика фонарём, качнул головой.

— Э, парень, да ты белый, как смерть!

— Где... Дымов?

— Спит. Где же ему быть?

Потупчик ввёл Павла в избу. Из соседней комнаты, наскоро натягивая рубашку, выглянул Дымов. Кутаясь в одеяло, пришла сонная Мотя. Испуганно прижалась к стене под широкими рогами лося (убил когда-то отец). Все молча, с изумлением смотрели на Павла. Дымов шагнул к мальчику:

— Что случилось, Паша?

Павел разжал кулак, протянул бумажку. Уполномоченный, нагнувшись к фонарю, быстро пробежал её глазами.

— Ну, и что же?

Павел силится что-то сказать — не может. Дрожит родинка над правой бровью.

— Эти... эти бумажки... мой отец продаёт сосланным кулакам...

Дымов несколько секунд удивлённо смотрит на мальчика, потом обнимает его, мокрого и дрожащего, целует. И Павел прижимается к большой груди этого человека, совсем мало знакомого, но такого родного и близкого, и вздрагивает от прорвавшихся наконец рыданий.

— Дяденька Дымов... дяденька Дымов... — шепчет он, задыхаясь.

Дымов торопливо гладит его по голове, по мокрой спине и говорит глухо:

— Не надо, Паша... ну, не надо, мальчик,— и чувствует, как у самого глаза становятся влажными.— Ну, не надо, Паша! Ты... ты ведь настоящий пионер!

Глава VI.

ЗАМОК НА КАЛИТКЕ.

Был праздничный осенний день. На улице толпились девушки и парни. Павел, передав Якову дежурство по избе-читальне, побежал домой. Идя по улице, он чувствовал, что его провожают взглядами, перешёптываются.

С тех пор как суд приговорил Трофима Морозова к десяти годам тюрьмы, Павел никогда не может пройти незамеченным. Правда, не ругают его в деревне за то, что раскрыл он преступление своего отца, и даже начали почётно называть „Пашкой-коммунистом“,— всё равно тяжело чувствовать на себе эти постоянные любопытные взгляды.

Друзья заметили, что Павел стал молчаливей, задумчивей, словно повзрослел сразу.

И в деревне перемены. Выбрали нового председателя, колхоз скоро будет. Пионеры много лозунгов о колхозе написали и расклеили на заборах. Эти лозунги составил Дымов. Жалко, что его райком партии вызвал в Тавду. Такой хороший человек, все его полюбили. Когда уезжал, Потупчик даже расцеловался с ним.

Павел добежал до своего двора и вдруг остановился озадаченный. Калитка была заперта. Он потрогал пальцем большой медный замок, перелез через забор.

Дверь открыта, в избе чьи-то голоса. Мальчик встревоженно поднялся на крыльцо.

У двери Данила курил самокрутку. Презрительно скривил губы, взглянув на Павла.

В углу сидела мать с сыновьями. А посреди избы дед Серёга оперился обеими руками на палку. Он что-то шепло говорил. Было видно, как шевелились кончики его серых усов.

Павел переступил порог, сказал нерешительно:

— Здравствуй, дедуня.

Дед не ответил, даже не обернулся. Данила процедил:

— С коммунистами не разговариваем!

Павел, бледнея, шагнул к деду:

— Дедуня...

Но дед, казалось, не замечал и не слышал внука. Он в упор смотрел на Татьяну из-под нависших белых бровей.

— Ну, отвечай, невестка.

Татьяна слабо покачала головой:

— Не знаю...

Дед Серёга стукнул палкой.

— Что не знаешь? Я за старшего остался, мужа у тебя теперь нету. Слышишь? Как сказал, так и быть должно! Надо наши хозяйства объединить, а забор меж дворами уберём. Слышишь?

Мальчик понял, зачем пришёл дед Серёга, и горькое негодование охватило его. Вот, значит, какой дед! Хозяйство прибрать к своим рукам хочет! Ведь объединиться с дедом Серёгой — значит в батраки к нему пойти. Вся деревня знает, какая он жила. И Данилкины мысли ясны: небось, думает, дед стар, помрёт скоро, а он, Данила, хозяином станет. Он и раньше хвастался, что будет жить богаче Кулуканова.

Мальчик сурово взглянул на двоюродного брата, отошёл в сторону.

— Маманька, не объединяйся... Скоро в деревне колхоз будет, в колхоз вступим,— проговорил он негромко.

Все молчали.

Дед Серёга тяжело качнулся, кашлянул.

— Так как же, Татьяна?

Все смотрели на неё, ожидая решающего слова. И она сказала тихо, сделав головой чуть заметное движение в сторону Павла:

— Ему видней... Он теперь за хозяина остался...

— Н-ну...— выдохнул дед.— С голоду подохнете!

Он круто повернулся и, стуча палкой, вышел вон. Данила остановился у порога, сжал кулаки:

— Мы с тобой ещё посчитаемся! Коммунист какой!

Татьяна привстала:

— Ну, ты! Проваливай!..

Данила выплюнул папироску, бормоча что-то, сбежал с крыльца.

Павел проводил его взглядом, спросил:

— Кто на калитке замок повесил?

— Это дед запер,— сердито сказал Федя.— Приказал с сегодняшнего дня через его двор ходить. Говорит — одно хозяйство.

Павел вспыхнул:

— Новое дело! Пускай и не думает! Замок я всё равно собью!

Он схватил на полке молоток, выскочил наружу.

Татьяна недвижно сидела, прижимая к себе маленького Романа. Правильно ли она поступила? Может быть, нужно было соединиться с хозяйством деда? Может быть, не будет в деревне колхоза, о котором так хорошо рассказывали на сходках? Да и каким будет этот колхоз? Как жить? Разве по силам одной кормить и одевать детей! Пашка, правда, подрастает, помогает уже по хозяйству, но ведь всё равно и он ещё мальчонка. Ах, Пашка! Пашка!..

Внезапно она встрепенулась. В открытые двери из синих сумерек донёлся пронзительный крик. Холодея и дрожа, вскочила, усадила на пол заплакавшего Романа, вылетела на крыльцо.

У забора Данила бил кулаком вырывающегося Павла.

— Стой! — закричала она. — Стой, проклятый!

Бросилась к сараю, непослушными, трясущимися руками схватила длинную жердь.

Данила отпустил мальчика, влез на забор.

— Я ещё не так твоего пионера... — Он не договорил и спрыгнул по ту сторону.

Жердь гулко стукнула по верхушке забора.

Глава VII.

ТАИНСТВЕННОЕ ПИСЬМО.

По-осеннему начали желтеть осины и берёзы. По утрам с недалёкого болота на деревню напал белый и густой, как вата, туман. Он медленно, почти незаметно плыл мимо окон и, даже когда уже пригревало солнце, долго ворочался на улице, расплываясь в согретом воздухе.

Однажды в такое утро в Герасимовку пришла неизвестная старуха. Высокая и худая, закутанная в старую шаль, она брела вдоль заборов, наполовину скрытая стелющимся по земле туманом. Собаки лениво лаяли ей вслед. Иногда старуха останавливалась у каких-нибудь ворот, стучала клюкой в доски и долго крестилась, если ей подавали кусок хлеба.

Никто не обратил бы внимания на появление в деревне незнакомой нищенки, если бы с её приходом не начали твориться очень странные вещи.

На двенадцать часов дня в избе-читальне была назначена репетиция пионерского драмкружка. Под руководством Зои Александровны пионеры готовили к началу учебного года небольшую пьесу, которую сочинил сам Павел. Вначале на сцене появлялся с наклеенной бумажной бородой Яков. Кряхтя и сгибаясь, он садился перед зрителями и жалобно рассказывал о том, что его, старого батрака, совсем одолели кулаки. Когда он печально опускал на руки голову, к нему подходил с такой же бумажной бородой другой „батрак“ — Василий Слюсарев, парнишка с тонким голоском. Он бодро хлопал Якова по плечу и говорил, что таким, как они, людям только один путь — в колхоз.

Но тут появлялись толстые „кулаки“ (их роли исполняли самые младшие ребята, потому что старшие наотрез отказались играть кулаков). Придерживая руками подушки, спрятанные под рубашками, они наступали на „батраков“ и пели песенку, придуманную Мотей Потупчик:

Вы батрачите на нас,
Мы в колхоз не пустим вас!

У „кулаков“ были такие страшные, вымазанные сажей физиономии и пели они свою песню так свирепо, что девочки, сидевшие в конце зала, умолкали от страха, хотя хорошо знали, чем всё закончится.

Под конец на сцене с красным флагом появлялись во главе с Павлом „рабочие“, и „кулаки“, завидев алое полотнище, в страхе убегали. А „батраки“ обнимали „рабочих“, и все хором пели:

Мы в колхоз идём, идём,
К жизни радостной придём!

Разумеется, они старались петь как можно красивее, хотя Мотя и утверждала, что получается это у них лишь на самую чуточку лучше, чем у „кулаков“.

Как бы там ни было, репетиции проходили вполне успешно, и Зоя Александровна советовала пригласить на утренник всех герасимовских бедняков и середняков.

— Правильно! — сказал довольный Павел. — Может быть, ещё кто-нибудь в колхоз вступит.

В спектакле принимало участие несколько саковцев. Приверженцы Петра давно покинули своего рыжего главаря, и теперь он почти перестал показываться на улице. Изредка пионеры видели его в отдалении, одинокого и скучающего. Всякий раз он грозил кулаком и быстро исчезал. „Бойтся“, — решили они.

В тот день должна была состояться генеральная репетиция. Но к двенадцати часам пришли только учительница и Павел с Мотей. Это было невиданное нарушение дисциплины. Они прождали около часа в пустой избе-читальне.

Наконец недоумевающая Зоя Александровна сказала:

— Вы, ребята, разузнайте, в чём дело, а я пока в сельсовете буду стенгазету выпускать.

— Они, наверное, все одурели! — проговорил Павел мрачно. — Пойдём-ка к Яшке, Мотя.

У избы Якова Павел посвистел условно: два коротких, один длинный свисток. Яков моментально показался в окне. Но у него были такие испуганные глаза и он выглядел таким жалким, что Мотя шепнула Павлу:

— Заболел, наверное.

Яков делал какие-то движения руками, и они сообразили, что он просит их идти на огород, за сарай.

— Чудное что-то с ним делается, — недовольно сказал Павел. — Подожди, ты через забор не лезь, Мотя. Тут у нас одна доска отодвигается.

Через минуту за сарай явился Яков.

— Ребята, — виновато начал он, — меня мать непустила.

Павел, не глядя на него, раздражённо качнул головой:

— Не ври! Всегда пускала!..

— А вот гляди, что она нашла сегодня в сенях.

Яков протянул скомканную бумажку. Это был кусочек клетчатого листа из тетрадки, исписанный корявыми буквами:

„Во имя отца и сына и святого духа. Был слышен во святом граде Иерусалиме голос господен, и сказал господь, кто в колхоз пойдёт, не будет тому благословения. Перепиши письмо семь раз и отдай соседям своим. Аминь!“

— Мать прочитала и давай плакать,— говорил Яков,— а мне сказала, что если из пионеров не выпишусь, так голову оторвёт. А потом сказала, чтобы я переписал семь раз...

— Ну, а ты?

— Переписал,— вздохнул Яков.

Павел свирепо сверкнул глазами:

— Зачем?

— А если... правда?— Голос Якова был едва слышен.

— Дурак!

Мотя тихо ахнула:

— Яша! Да разве настоящие пионеры в бога верят? Это же только от некультурности.

Яша шмыгнул носом.

— Да, а мать-то дерётся... К соседям вчера ходила, так там тоже такие записки нашли.

Мотя вдруг всплеснула руками:

— Ой! Так это же нищенка! Ну да! Я сама видала, как она у Ступака Христа-ради просила и что-то в сени бросила. Я тогда даже подумала: „Что это она бросает?“

Павел молчал, щурился, соображая.

— Пошли-ка в избу-читальню. Надо подумать, что делать.— Он со вздохом посмотрел по сторонам.— Эх, задержать бы её нужно было! А теперь ищи ветра в поле.

День был полон неожиданностей. На пороге избу-читальни сидел Пётр Саков. Ещё издали завидев его рыжую вихрастую голову, Павел пришёл в ярость.

Мотя схватила его за рукав:

— Паша! Не надо!..

— Уйди!— Он резко высвободил руки. — Всё равно сейчас опять драться будем. Ну, я ж ему!

Павел решительно приблизился к избе-читальне. Яков шёл рядом, шептал:

— Пашк, а ты не бойся... Если что, я подмогну...

Но драка не состоялась. Пётр Саков даже не поднялся навстречу. Он продолжал сидеть на крыльце, подперев подбородок ладонями, и Павел вдруг увидел, что глаза у него совсем не злые и смотрят они как-то очень жалобно и смущённо. Это было так не похоже на Петра Сакова, что Павел растерянно остановился.

Они молчали.

— Ну,— передохнул Павел,— ты чего сидишь?— Но в его голосе не было угрозы.

Пётр Саков молчал.

— Ну?

Пётр тряхнул рыжей головой и сказал тихо:

— Вы меня за человека не считаете, а я...— Он запнулся, и Павел вдруг увидел, что на его глазах блеснули слёзы.

Пётр вытер ладонью глаза, высморкался, привстал.

— Ты про записки знаешь?

— А что?— насторожился Павел.

— Эти записки моя тётка с Кулукановым сочиняла.

Павел смотрел на Петра широко открытыми глазами.

— Врёшь!

— Право слово... Тут старуха ходила, так они и научили её эти записки бросать.

Павел сделал шаг вперёд и вдруг широко заулыбался, хлопнул Петра по спине:

— Петька, дружище! Ох, Петька!

Пётр Саков робко поёжился.

— А вы меня в пионеры примете?

— Ну ясно, примем!— Павел повернулся к стоящей в отдалении Моте:— Айда к Зое Александровне! Слышишь? Сейчас в стенгазету про таинственное письмо напишем.

Глава VIII.

У КОСТРА.

Под воскресенье ребята пошли на озеро удить рыбу. Запаслись едой и тёплой одеждой: решили ночевать на берегу.

До озера несколько километров. По дороге девочки пели песни, бегали между деревьями, пугая белок, аукались. Они шли без сетей и удочек — какие из девчонок рыболовы? Взяли их, чтобы за костром следили да уху варили.

Одна Мотя несла удочку на плече. Она — как мальчишка, даже стрелять из ружья умеет: отец выучил.

Был погожий день. Солнце, уже не горячее, но попрежнему яркое и ласковое, плыло над тайгой, пробивалось светлыми полосами и пятнами сквозь чащобу и бурелом, сверкало на полянках.

Павел и Мотя шагали позади всех, о чём-то совещались. Яков сначала обиделся, что его не позвали, потом ухмыльнулся, зашептался с ребятами. С хохотом остановились под старой сосной и вдруг нестройно запели:

Тили-тили тесто,
Жених и невеста!
Тили-тили тесто,
Жених и невеста!

Прибежали девочки, захихикали. У Моти задрожали губы.

— Дураки! Сами вы женихи! — Она расплакалась, собралась идти домой.

Девочки, посмеиваясь, стали её успокаивать:

— Брось, Мотя, да они же так просто, балуются...

Мотя всхлипывала:

— Они думают, как идём вместе, так значит... жених и невеста...

Дураки! Все пионеры... дружить должны.

Домой она не ушла.

Павел, красный, подошёл к Якову:

— Это ты придумал?

— Ничего не я...

— Врёшь, ты! Вот набью тебе шею, тогда узнаешь!

Он сказал это довольно миролюбиво. Ему самому было немножко смешно.

— А у тебя, это самое, секреты от друзей завелись?

— Дурень, да ты знаешь, про что она говорила?

— Про что?

— Вот нарочно не скажу, потому что ты дурак.— Он подумал и прибавил:— На озеро придём, тогда скажу...

Якова мучило любопытство. Но виду не подал и до самого озера шёл рядом с Пашкой, посвистывая и балагурия,— хотел загладить вину. Но когда пришли, Павел ничего не сказал, должно быть забыл. Разъехались на лодках, ловили рыбу, купались.

Вода в озере холодная, чистая. Если всмотреться, можно увидеть илистое дно, зелёные лапчатые водоросли, мелких рыбёшек, которые сверкают под лодкой, как короткая молния.

Летом из разных лесных деревень на озеро приходит много рыболовов, и на его берегах костры горят по ночам, будто в огромном цыганском таборе. Озеро большое, всем места хватает.

В ожидании ухи мальчики сушились у огня, хвастались уловом. От соседнего костра подошёл кто-то.

— Эй, пионеры!— По голосу узнали Данилу.— Рыбачите?

Яков ответил неохотно:

— Рыбачим...

Данила вышел на свет. Его узенькие глаза забегали по лицам ребят, на секунду встретились с глазами Павла и снова скользнули в сторону.

— Ну-ну, рыбачьте,— он с усмешкой поправил на плечах куртку, медленно отошёл.

— Носит его здесь!— проворчал Яков.— Всегда он насмешается.

— Девочки,— зашептала веснущатая Клава Ступак,— а вы видели, какая у него рубашка?

— Какая?

— Кулукановская! На груди зелёным вышитая... Ей-ей! Я запомнила, как Кулуканов носил.

— Подарил, наверно,— сказала Мотя.— Чего-то он часто стал в гости к Кулуканову ходить. Паш, и дед Серёга к нему ходит, я видела.

— Ну и пусть ходит!— Павел нахмурился.— Дай-ка ту бумажку.

Мотя порылась в кармане, протянула свёрнутый листок. Он взял его, не глядя.

— Вон ей,— Павел кивнул на Мотю,— сегодня в сельсовете список дали, кто не хочет хлебозаготовки выполнять. Она мне в лесу рассказывала... Вот. А вы, дураки, запели! Яшка, ты завтра будешь в избе-читальне объявления писать.

— Что за объявления?

Павел развернул листок.

— Тут первым Кулуканов помечен. Вот ты и напишешь: „Здесь живёт зажимщик хлеба Кулуканов“. Возьмёшь старую газету и напишешь чернилом.

— Не чернилом, а чернилами,— поправила Клава Ступак.— Сколько раз Зоя Александровна говорила!

— Ну, чернилами... А потом на кулукановские ворота приклеим. Пусть все знают!

— Здорово! А не набьют нам, это самое, шею?

— А ты не трусь. Тут немного — человек пять.— Он посмотрел в список и внезапно запнулся, нерешительно потрогал затылок.— Тут, ребята, одна фамилия помечена... Слышь, Яшка? Второе объявление будешь так писать: „Здесь живёт зажимщик хлеба Ступак...“

Все посмотрели на Клаву. Глаза у Клавы замигали, всё быстрее, быстрее, и вот из них разом брызнули слёзы и покатались по веснущатым щекам.

— Не хочу я... не хочу... Это мой дядя...

Ребята переглядывались. Мотя недовольно сказала в тишине:

— Чего разревелась? Вон Паша отца разоблачил, а ты...

Павел вдруг вскочил, злобно глядя на Мотю, над бровью задёргалась родинка.

— Дура!— крикнул он, но голос сорвался, задрожал:— И чего вы всё — отец да отец...

Он круто повернулся, зашагал в темноту, шурша травой. У самой воды прилёг на бугорке, завернулся в куртку.

Неслышно подошёл Яков.

— Пашк...

— Отстань!

Яков опустился на корточки.

— Давай не будем про Ступака писать.

— А мне что за дело?

— А то Клавка, это самое, ревёт. Она говорит — сама уговорит дядьку хлеб сдать. Хорошо?

— Хорошо...

Яков помолчал.

— Пашк, идём уху есть.

— Не хочу. Я спать буду.

Яков вернулся к костру. Павел долго ворочался, смотрел на звёзды. С озера напознал серый, мохнатый туман, в тёмной воде по временам шумно плескались рыбы.

Тихо в лесу, пахнет хвоей. Изредка прошелестит что-то в чаще или донесётся издали раскатистый крик сонного глухаря: кга-га... Прошумит это, и снова всё тихо.

Павел со стоном проснулся среди ночи от жгучей боли и дыма. Кто-то подсунул под шею горящую головню. В ужасе вскочил, держась за опалённое место, и лицом к лицу столкнулся с Данилой.

Над лесом висел узкий месяц, и в его жёлтом свете мальчик ясно увидел непонятную, застывшую усмешку на лице двоюродного брата.

— Что, жарко? — хрипло спросил Данила и вдруг стремительно схватил Павла за горло, рванул, опрокинул в озеро.

Мальчик не почувствовал холода воды, сомкнувшейся над ним. Он чувствовал лишь тяжёлые, железные пальцы на горле и, теряя сознание, всё ещё пытался слабеющими руками освободиться от них.

Но пальцы вдруг сами ослабли и освободили его. Задыхаясь и кашляя, Павел вырвался из воды и не сразу понял, что происходит вокруг. Вода клокотала и плескалась от груди барахтающихся тел. Ребята, бросившиеся ему на выручку, теперь держали Данилу. Рядом с Павлом по пояс в воде стояла Мотя, кричала что-то, размахивая руками. Потом он увидел Якова, вцепившегося в волосы Данилы.

— Пустите, — хрипел Данила, — пошутил я... Ну, пустите!..

Его не отпускали.

— Пустите... вода холодная...

Его повели к догорающему костру. Он вдруг рванулся, прыгнул через тлеющие угли и побежал, не оглядываясь.

До самого утра больше никто не спал.

Глава IX.

ТЕНИ ВО ДВОРЕ ДЕДА.

Дед Серёга встал на рассвете — старики мало спят. Побродил по двору, оглядывая, всё ли в порядке, выпустил из сарая проснувшихся кур.

Потом, кряхтя, вышла бабка Ксения, тонко пропела:

— Цы-ып, цып, цып, цып, цып!..

Дед издали наблюдал, как куры клюют зерно, дружно постукивая клювами. Вдруг он зашевелил усами, на цыпочках засеменял к птицам и с размаху хлестнул хвостом белобоку курицу.

— Анафема!

Птицы с шумом разлетелись, подняли гвалт.

Дед гнался за белобокой курицей, подпрыгивая на кривых ногах, силло кричал:

— Опять Потупчикову куру кормишь, старая! Вот я её, дрянную такую, в борщ!

Пронзительно кудахтая, курица взлетела на огород, заметалась между сухими картофельными кустами.

Дед остановился, тяжело дыша: навстречу ему по огороду шёл человек. Он был невысок, коренаст, сед, осторожно переступал пыльными сапогами через картофельные кусты.

Дед ладонью смахнул с морщин пот, торопливо вытер её о штанину, протянул человеку руку:

— Здравствуйте, Арсений Игнатьевич!

— Доброго здоровья...— Голос у Кулуканова низкий, спокойный, но в жёлтых глазах чуть заметная тревога, и на всём его широком лице с острой бородкой непривычная бледность, то ли от бессонницы, то ли от усталости.

— Что рано поднялись, Арсений Игнатьевич?

— Дело, Серёга, есть. Пойдём в избу.

Пошли в избу. Кулуканов кивнул бабке, снял картуз, перекрестил лысоватую голову. Сел в углу под тёмной деревянной божницей, за которой торчали ножи и вилки; издавна служили эти иконы вместо шкафа.

— Позови Данилу.

Данила явился заспанный, длинно зевал.

— Садись.— Гость неторопливо достал из пиджака газетный лист с расплывшимися чернильными буквами.— Глядите — содрал сейчас с ворот...

Помолчали. Бабка непонимающе глядела на синие буквы, трясла головой. Она стояла над недочищенной картошкой, с большим горбатым ножом в руках. На его лезвии густо белели царапины — следы от камня, о который его точили.

— Зажимщик хлеба! — Кулуканов скомкал лист, швырнул в сторону.— Когда-то Трофим приходил, кланялся: „Будь у сына крёстным отцом“. Согласился крестить. Кабы знал тогда, сам бы своими руками у попа в чашке утопил змеёныша!

Данила сказал чуть слышно:

— Утопить никогда не поздно...

Гость сделал вид, что не расслышал, и продолжал глухо:

— У Силина закопанный хлеб нашли, а у Шитракова — оружие. Тоже он устроил — со своими босяками... И в стенгазете опозорил...

У Кулуканова задёргалась щека, он потрогал её пальцами.

— Я к вам за помощью... Поможете?

Дед зашевелился:

— Чем поможем, Арсений Игнатьевич.

— Так вот... Скоро ко мне придут имущество описывать, чтоб в колхоз передать... — Он вдруг поднялся, сжав губы, шумно задышал через нос.— Не дам проклятым! Ничего не дам! Спалю лучше! И хлеба не дам! Серёга, вы с Данилой сегодня в сарае яму выкопайте. Незаметно чтоб... А ночью хлеб перевезём и зароем. У вас искать не станут.

Он тяжело опустился на скамью и, помедлив, прибавил:

— Третью хлеба возьмёшь за это себе, Серёга.

...Павла ночью разбудил плач Романа. Усталая мать крепко спала — не слышала. Павел спрыгнул с печи, поморщился: ныл обожжённый затылок (матери об этом не сказал — не хотел тревожить).

Проснувшийся Роман сидел в деревянной кроватке. Павел присел рядом, укрыл брата одеялом, подумал: „Вырос как Ромка! Надо новую кровать строить“.

Он слегка покачал её, замурлыкал:

Зыбаю, pozyбаю,
Пошла бабка за рыбою,
Мать — пелёнки полоскать,
А я — Рому унимать...
Аа... Аа...

Брат не унимался. Павел всердцах запел погромче:

Зыбаю, pozyбаю,
Пошла бабка за рыбою,
Мать — пелёнки полоскать,
А я — за волосы таскать!

Роман заревел на всю избу. Павлу стало жалко братишку. Виновато склонился над кроватью:

— Ромочка, ну спи... Ну спи ж, братик...

Вскочила сонная мать.

— Ох, горе моё! Что же ты не скажешь?

— А он уж засыпает, маманька...

Роман умолк, едва мать прикоснулась к нему. Павел, зевая, отправился спать.

С печи Федя, свесившись, смотрел в окно.

— Чего ты?

— А вон, глянь, что там?

Над двором жёлтый месяц, и на земле от него светлые полосы. Прямо перед окном — забор деда Серёги. За забором двигаются чьи-то тени.

Павел шмыгнул к двери.

— Ты куда ещё? — зашептала мать.

— Сейчас...

Неслышно спустился с крыльца, прильнул к щели забора.

Во дворе деда Серёги фыркают лошади. Трое — дед Серёга, Данила, Кулуканов — снимают с ходка полные мешки, торопливо несут в сарай. Бабка Ксения копошится у ворот, никак не может справиться с засовом.

— Паш, а кони-то кулукановские, — слышит Павел шопот за спиной.

Оглянулся — рядом Федя вытягивается на цыпочках.

— Чего ты пришёл?

— А ты побежал, и я тоже...

— Ладно, ладно, ступай спать.

Федя послушно уходит. Павел всматривается. Что бы там могло быть? Прячут зерно в яму. У деда столько хлеба нет. Ясно — зерно кулукановское. Вот гады! Сгноить хотят.

Данила возвращается из сарая с пустыми руками, останавливается, будто в раздумье, и вдруг делает скачок к забору.

— Подглядываешь, коммунист! — Грохоча досками, он взлетает над забором.

Но Павел уже исчез.

Дед Серёга и Кулуканов недвижно стоят посреди двора, расставив ноги.

— Кто? — бормочет дед.

— Пашка!

Кулуканов срывается с места, хватает деда Серёгу руками, трясёт. Голос у него шипит, прерывается:

— Если какого уполномоченного из района присылают, не страшно: уедет сам. А тут свои глаза! Под боком! От них никуда не скроешься!

Дед не двигается.

— Слышишь, Серёга?

Дед говорит тихо и чётко:

— Убью!..

Все молчат. Лишь бабка Ксения что-то шепчет и крестится. Кулуканов наклоняется к Даниле:

— Я тебе давал... и ещё дам... Выследить его надо... и конец!

...Днём комиссия из сельсовета во главе с Потупчиком сделала обыск во дворе деда. Хлеб был найден. В сарае нашли и кулукановский ходок.

3 СЕНТЯБРЯ 1932 ГОДА.

На болоте созрела клюква. Стайками и в одиночку на болото бегали герасимовские ребятишки, возвращались с полными кошолками и оскоминой на зубах.

Среди дня Павел и Федя собрались по ягоды. Сначала зашли за Яковом. Его не оказалось дома. Потом заглянули к Потупчику. Мотя лежала на кровати, кричала.

— Чего ты?

— Живот болит,— призналась она горестно,— обелась клюквы...

— А ты б не ела много,— усмехнулся Павел.

— Так она ж вкусная, с сахаром.

Он махнул рукой.

— Идём сами, Федя?

— Идём! — обрадовался брат.— Давай только мешок дома возьмём.

Вышли на улицу. Павлу было весело, и он предложил Феде:

— Бежим наперегонки, братко?

Федя нерешительно взглянул на него:

— Ты всё равно перегонишь.

— А ты попробуй!

Он нарочно дал себя обогнать, и Федя, торжествующий, влетел во двор.

— Маманька, я его обогнал! Дай мешок.

Мать понимающе подмигнула Павлу.

— Быстрый стал ты, Федюшка! Допоздна только не ходите, ребятки.

— Мы в Тонкую Гривку махнём,— пошутил Павел,— и у тётки переночуем.

— Вот я вам махну! — погрозила она пальцем.

По-осеннему сквозил лес. В воздухе вилась шёлковая паутина.

...Запыхавшийся Данила прибежал в избу к деду:

— Ушёл на болото... За клюквой...

Дед торопливо заходил по комнате, бормоча что-то. Потом остановился, словно устал.

— Данила,— сказал он тихо,— дай его...

— Кого? — так же тихо спросил Данила.

— Нож.

Данила долго не мог вытащить нож из-за божницы: у него тряслись руки. Наконец выдернул. Дед яростно замахал руками, зашипел:

— Да не этот! Тот, горбатый!

И, не дождавшись, сам выхватил нож из-за иконы.

— Возьми.

Данила стучал зубами.

— Он... не один пошёл...

— С кем?

— С Федькой. Выдаст...

Дед вздрогнул.

— Обоих! Ну, ступай же! Чего стал, собачий сын?! Стой! Я с тобой пойду...

Бабка Ксения смотрела вслед и крестилась.

...Усталые мальчики возвращались домой. Федя всю дорогу оживлённо тараторил о всякой всячине. Павел шёл, задумавшись, отвечал рассеянно.

— Паш, а кто быстрее, волк или заяц?

— Волк, наверное.

— Паш, а когда у вас пионерские галстуки будут?

— Да вот Зоя Александровна обещала в этом году привезти. В берёзовых зарослях, где разветвляется тропинка, увидели вдруг деда Серёгу и Данилу. Павел задержал шаг.

— Паш... Данила драться не полезет? — тревожно спросил Федя.

— Побойтся при деде. — Павел всматривался вперёд. — А ты иди сзади, отстань шагов на десять.

Он медленно приближался к старику.

— Набрали ягод, внучек? — Голос у деда сиплый, ласковый.

— Ага.

— Ну-ка, покажь... Хватит на деда дуться-то...

Павел обрадованно заулыбался, снял с плеча мешок.

— Да я не дуюсь, дедуня... Смотри, какая клюква. Крупная!

Он открыл мешок, поднял на деда глаза и отшатнулся: серое лицо старика было искажено ненавистью.

— Дедуня, пусти руку... Больно!

Тут мальчик увидел в другой руке деда нож, рванулся, закричал: — Федя, братко, беги! Беги, братко!..

Данила тремя прыжками догнал Федю...

На третий день искать братьев в лес пошла вся деревня. Шли цепью, шумя кустами и ветками, тревожно перекликались.

Тихо и пусто в жёлтом, осеннем лесу.

Мотя бежит мимо осыпающихся осин и берёз, мимо колючих елей, ноги утопают в шуршащих листьях. Рядом скачет мохнатый Кусака.

— Ищи, Кусака, ищи...

Пёс виляет хвостом, смотрит на девочку добрыми глазами.

Она на секунду останавливается, озираясь, облизывает сухие губы и снова бежит, бежит... Сколько она уже бежит? Час? Два?

Нет, с ними ничего не случилось. Они у тётки в Тонкой Гривке.

Но почему же мать говорит, что их там нет?

— Ищи, Кусака, ищи!

Но Кусаки нет. Где пёс?

И тут доносится до неё гулкий собачий лай, от которого, кажется, сердце перестаёт биться и сразу делается холодно.

Задыхаясь, она летит на этот страшный вой, раздвигает кусты. Вот... Мешок, рассыпанные ягоды. И кровь на жёлтых листьях.

Павел лежал на них, разбросав руки.

В отдалении, зарывшись лицом в валежник, лежал маленький Федя.

Запрокинув голову, Мотя бросилась прочь от этого места. Из широко открытого рта вырвался длинный стонущий крик:

— А-а-а...

Всё остальное было, как в дыму. Она не видела и не слышала, как вынесли из леса тела убитых, как вели в сельсовет упирающегося Данилу, как Данила, заикаясь, бормотал что-то о Кулуканове, о деде...

Потом задыхающийся рыжебородый Василий Потупчик приволок в сельсовет бледного Кулуканова.

Одёргивая дрожащими руками поддёвку и презрительно глядя на Данилу и деда, Кулуканов проговорил в тишине:

— Не так сработали... Нужно было в болото под колоду... тогда б и ворону костей не сыскать!

Глава XI.

У МАТЕРИ.

Шёл снег, заметая лес и деревню.

Ветер стучал калиткой, шипел в трубе. Татьяна не слышала его. Металась в постели, и губы шептали в бреду:

— Дети... Паша... Федя...

У постели по очереди дежурили соседки, ухаживали за Романом. В избе было тепло, пахло лекарствами.

Как-то Татьяна открыла глаза. Над ней кто-то заботливо склонился, укутывал одеялом. Она слабо отстранила его, спросила:

— Какой месяц?

— Декабрь.

Она приподняла голову:

— А что... сделали тем?

— Их больше нет...

Татьяна встала, прошла по избе. Роман спал, посапывая.

Она подошла к окну, за которым голубел в сумерках снег. Наискось от окна стоит высокий дом с резными воротами. Там жил Кулуканов.

Татьяна всматривалась недвижными глазами в красную вывеску над воротами, разбирала по слогам: „Правление колхоза имени братьев Морозовых“.

Глаза заволкло темнотой; не вскрикнув, она тяжело упала на пол.

Скоро ей стало лучше. И однажды в яркий морозный день к ней пришли школьники. Они входили в избу, окружённые холодом и паром, тихие и торжественные. Среди них стояла учительница, молоденькая, ласковая, взволнованная.

Яков и Мотя приблизились к матери. Глотнув воздуха, Яков проговорил тихо:

— Тётя Таня... мы... мы... это самое...

Больше он ничего не сказал.

Потом заговорила Зоя Александровна. Торопясь и сбиваясь, учительница рассказала о том, что дорогое имя пионера Павлика Морозова стало известно всей стране, что она, мать, не осталась забытой

в своём горе и правительство назначило ей пожизненную персональную пенсию. И что ей предлагают поселиться в солнечном Крыму, у Чёрного моря, чтобы поправить своё здоровье.

Мать не слышала её слов. Она смотрела в озабоченные и родные лица всех этих молчавших ребят, и ей вдруг жгуче захотелось прижать их всех к своему сердцу.

Учительница, волнуясь, говорила о гордости за Татьяну, за всю Герасимовку, в которой вырос такой отважный мальчик, о том, что миллионы советских ребят будут всегда стремиться быть такими же честными и преданными сынами Родины.

Мать машинально повторила это слово:

— Сынами...

Она вдруг горячо задышала, подошла к ним, протягивая дрожащие руки.

— Ребятишки... родные мои...

Глава XII.

ПИСЬМО С ФРОНТА.

Домик стоит на горе, окружённый зелёными кипарисами. Высокие, тонкие и стройные, они поднялись вокруг домика, словно безмолвные и торжественные сторожа.

Из окна между кипарисами видно синее море.

На его бескрайнем просторе вспыхивают и гаснут язычками белого пламени вспененные волны. Шум прибоя слабо доносится в открытую форточку.

У окна стоит седая женщина. В руке у неё — только что полученное письмо. Не распечатывая его, она долго и взволнованно смотрит на голубой конверт, будто силясь увидеть того, кем написаны слова этого адреса:

„Крым, Алушка, Севастопольская улица, № 4, Татьяне Семёновне Морозовой“.

Наконец она вскрывает конверт:

„25 октября 1944 года. Восточная Пруссия.

Родная! Сегодня после боя получил весточку от тебя. Как хорошо, что ты, моя старенькая, снова вернулась в освобождённый Крым, к морю, к солнцу! Боюсь только, что ты будешь тосковать там одна без меня, без герасимовских друзей. Но ведь теперь мы скоро будем снова вместе. Ведь победа наша совсем, совсем близка!

Дорогая, любимая мама! Свершилось!

Наша армия идёт по земле врага. Мы шли через море слёз и горя, освобождая родную советскую землю. И мы пришли сюда.

Как мы рвались вперёд!

Сегодня на рассвете мы под огнём форсировали одну реку.

Сначала на вражеский берег перебралась группа автоматчиков. Она закрепилась на маленьком участке. Чтобы умножить её силы, нужно было переправить артиллерию.

И тогда я, как командир небольшого орудия, попросил разрешения переправиться первым. Мы погрузили нашу пушку и запас снарядов на понтон и стали грести.

Посреди реки нас обнаружили немцы и открыли огонь.

От взрывов вода кругом поднималась столбами и падала на нас.

Я крикнул своим ребятам, чтобы они на всякий случай разделились, если придётся вплавь добираться до суши.

Когда до берега осталось несколько метров, осколком снаряда пробило понтон.

Андрей Чубарь — тот самый высокий, плечистый украинец, о котором я тебе уже писал раньше — первый прыгнул в ледяную воду, несмотря на то, что был ранен в ногу. К счастью, это было неглубокое место, и он сумел плечом поддержать понтон. Мы на руках вынесли пушку и оборудовали огневую позицию.

Скоро к месту переправы двинулись фашистские танки. Мы били по ним с расстояния 200 метров, и почти ни один наш снаряд не пропал зря. В этом бою мой расчёт уничтожил пять фашистских танков.

Ещё мне хочется рассказать тебе об одном случае, который так взволновал меня сегодня.

Андрей Чубарь в моём расчёте недавно, и поэтому он не знал, что я — брат Паши. И вот, перевязывая час назад рану Андрея, я обнаружил в его сапоге, между стопкой писем и документов, аккуратно вырезанный из старой газеты портрет Паши.

Это было так неожиданно, что я даже вздрогнул.

„Зачем ты носишь этот снимок?“ — спросил я.

Он помолчал и проговорил:

„Ты, товарищ старший сержант, был пионером?“

„Был“, — ответил я.

„Значит, ты должен знать, что такое пионерский салют: пять пальцев, поднятые над головой. Это значит, что общественные интересы пионер ставит выше своих личных интересов. Так вот, таким пионером и был этот мальчик. С детства он — мой самый любимый герой, и, между прочим, твой однофамилец, товарищ старший сержант. В тридцать втором году его убили враги Советской власти. Убили за то, что интересы Родины были для него выше всего.

Ты помоложе меня и, может, не знаешь этой истории, а я в то время сам был таким пионером, как он. И тогда на пионерском сборе, у себя на Украине, мы дали клятву всю жизнь быть такими, как уральский пионер Павлик Морозов“.

Я ничего не сказал Андрею. Но ты подумай, дорогая моя мама, как это хорошо! Павла помнят.

Сейчас вечер. У разрушенного фольварка немецкого барона пишу я это письмо. Мы недолго пробудем здесь. Скоро снова вперёд, в бой!

До свиданья, моя ненаглядная мама. Обнимаю тебя нежно и целую твои старые ласковые руки. До скорой встречи, родная!

Твой сын Роман Морозов“

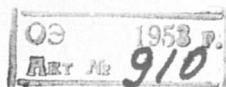
...Она откладывает письмо и смотрит в окно на сияющее между кипарисами море.

А под окном, на шоссе, звенят детские голоса. Это школьники
Алупки возвращаются домой. Целая гурьба остановилась у домика.
Дети улыбаются, машут ей руками:

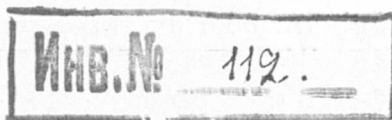
— Здравствуйте, Татьяна Семёновна!

— Добрый день, дорогая Татьяна Семёновна!

Она улыбается им в ответ, поднимает для приветствия руку и
незаметно смахивает набежавшую на щеку слезу.

* * * *

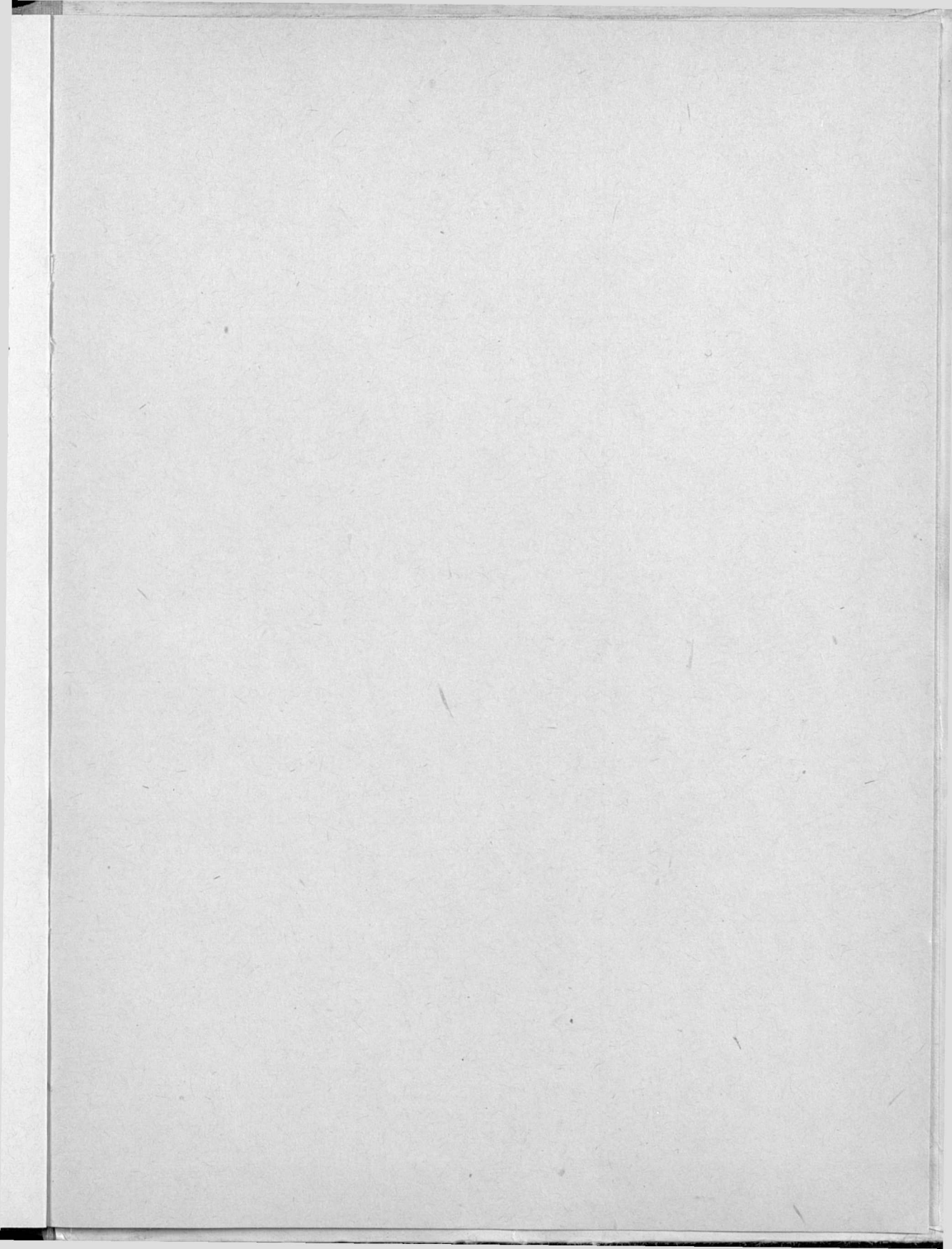
019
КНИГАТ ОЛНЭ МОЙТЫТ

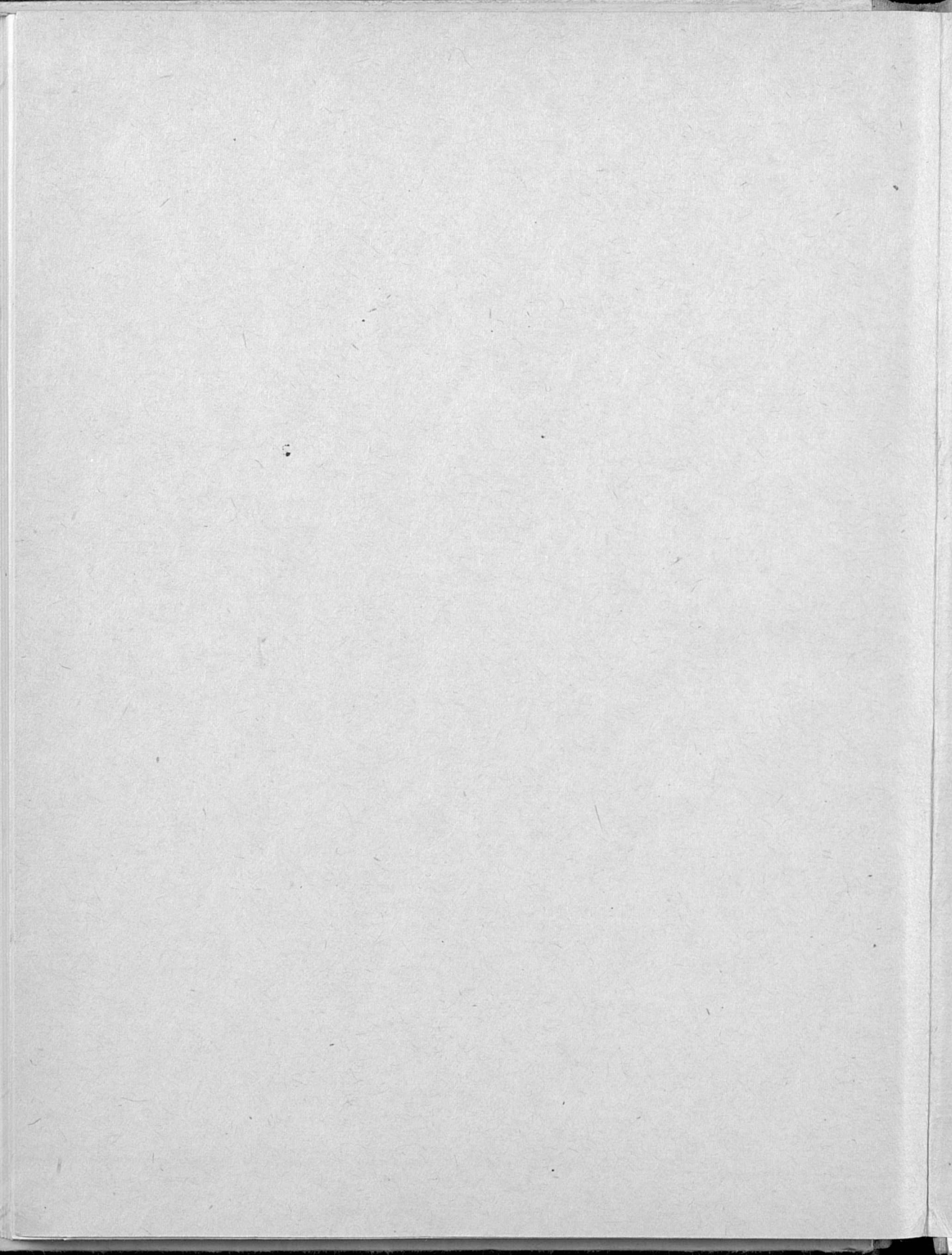
	Стр.
<i>Глава I.</i> Торгамтатгал новхатнэ вармаль	3
<i>Глава II.</i> Асе конфетыт	8
<i>Глава III.</i> Ворт алхатнэ вармаль	15
<i>Глава IV.</i> Ротмалтахттал этипала	21
<i>Глава V.</i> Эти муй	27
<i>Глава VI.</i> Туманынг карта ави	34
<i>Глава VII.</i> Осьхулинг письмо	37
<i>Глава VIII.</i> Най палт	43
<i>Глава IX.</i> Исхорыт опа карта кивырт	47
<i>Глава X.</i> 1932 тал 3 сентябрь хотал порат	53
<i>Глава XI.</i> Ома палт	58
<i>Глава XII.</i> Письмо фронтныл	59
<i>Приложение:</i> Русский текст	63

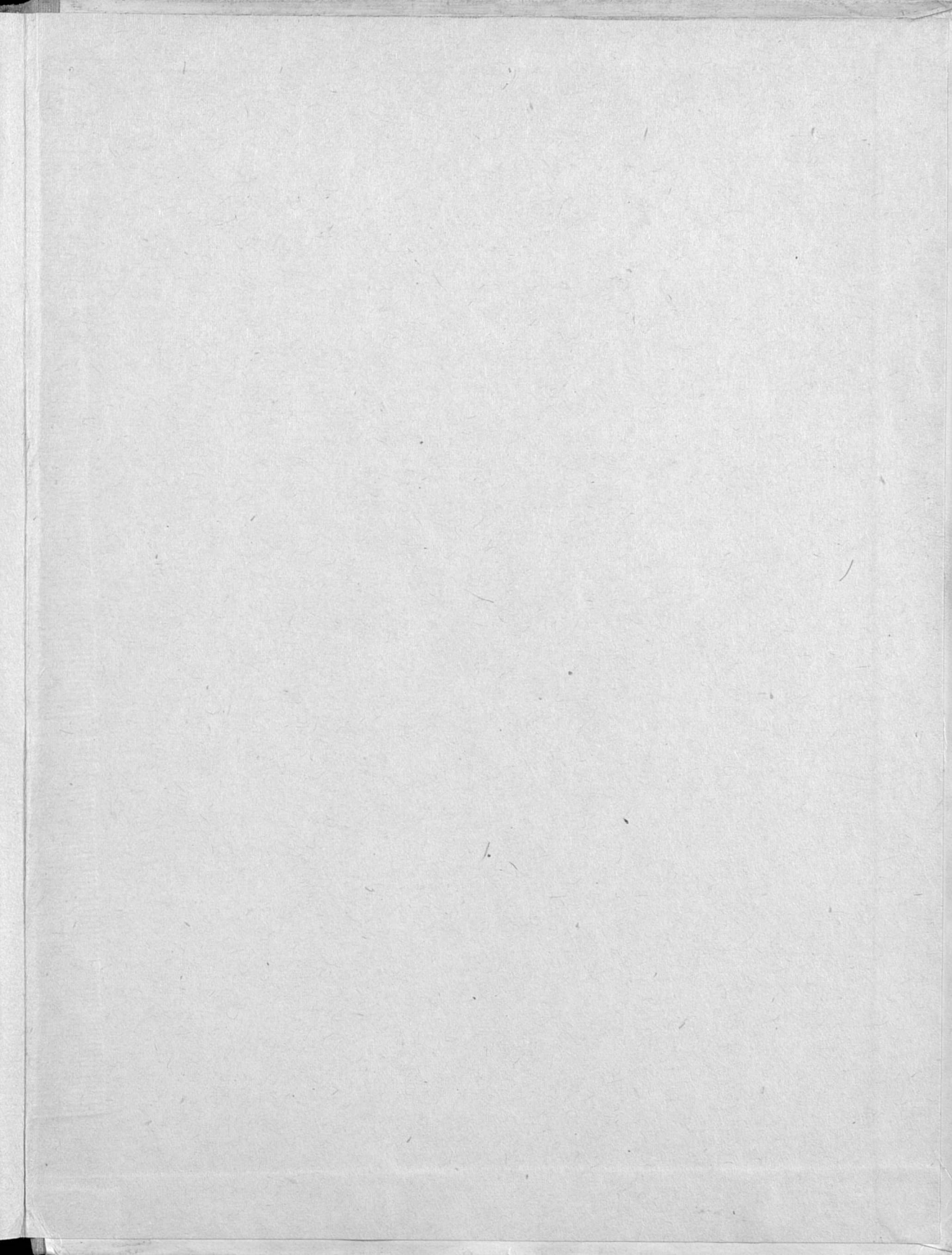
Редактор *Н. В. Елисеева*
Техн. редактор *А. М. Гурджиева*
Корректор *М. Г. Дешалыт*

Подписано к печати 27/V 1953 г. М 32793. Формат бумаги 70×92¹/₁₆.
Бум. л. 3,5. Печ. л. 8,19. Уч.-изд. л. 5,64. Тираж 1000 экз. Заказ № 364.
Цена без переплёта 1 р. 70 к. Переплёт 50 к.

Типография № 3 Ленгорполиграфиздата

57-19.656/4

	Мансийск.
	3-49.

Цена 2 р. 20 к.

26118

В. Губарев
ПАВЛИК МОРОЗОВ
на мансийском языке